

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

Самиздат · Избранное · Выпуск 43
ISSN 0343-5245

Михаил Нарича

ПОСЛЕ РЕАБИЛИТАЦИИ

(Мемуары)

ВОЛЬНОЕ СЛОВО

Самиздат · Избранное · Выпуск 43

Михаил Нарича

ПОСЛЕ РЕАБИЛИТАЦИИ

(Мемуары)

ПОСЕВ 1981

**Приложение к ежемесячному журналу „П о с е в“
Выходит 4 раза в год**

**© Possev-Verlag, V. Gorachek., 1982
Frankfurt a. M.
Printed in Germany**

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Михаил Александрович Н а р и ц а был первым писателем, более двадцати лет назад выступившим против власти с открытым забралом и пославшим свое произведение — повесть „Неспетая песня” — за границу и одновременно Хрущеву — с сопроводительным письмом. Повесть эта была опубликована в журнале „Грани” № 48 (1960) и позже отдельной книгой (1964).

Мы считаем, что судьба этого героического человека не должна быть забыта, а должна и сегодня волновать людей. Предлагаем вниманию читателей „Вольного слова” очерки М. А. Наричы „После реабилитации”.

ДЕСЯТОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ МОЕЙ СЕМЬИ

1

Лето 1957 года. Ленинград.

- Приехал испытать, что стоит моя реабилитация, - заявил я своему начальственному собеседнику. Внешность у него солидная. Кабинет кажется излишне просторным для нас двоих. По наружному виду, беседа идет мирно. Но тайная напряженность все увеличивается. Он не знает, как от меня отделаться. Он говорит:

- Нам дано указание не обижать людей вашей категории. Но, откровенно говоря, ваше желание меня очень озадачивает. Хотите завершить образование... с седьми волосами. Поймите меня правильно. То, что возраст ваш не подходит для роли студента, важно не с юридической точки зрения. Исключение возможно. Но какой вам смысл в этом? Разве вам еще мало пришлось натерпеться лишений и неудобств при такой сложной биографии? В тридцать пятом году, во время вашего первого ареста, вы были у нас на первом курсе. Значит, вам предстоит не заканчивать, а только начинать занятия в нашем институте. Неужели вы чувствуете в себе столько сил, чтобы тягаться в учебе с молодежью? Вы знаете, что стипендия у нас очень мала. Молодым проще, они с родителей тянут, сколько могут. А у вас у самого семья на руках. Старший сын - студент?

- Да. На последнем курсе медицинского будет в этом году.

- Сын на последнем - отец на первом! Ситуация! Сын там будет кончать?.. В Караганде?

- Нет, здесь. Я уже сдал его документы, договорились, хоть и с трудом.

- И вы не оставляете возможности вернуться в Караганду в случае неудачи?

- Ни малейшей. Семья еще там, но они уже сдают жилье и на днях выезжают. А с потерей жилья туда незачем возвращаться.

- Даже дух захватывает от такой отваги. И уж извините меня, я назвал бы это безрассудством. Здесь, если все нормально пойдет, вас возьмут на очередь. Но даже реабилитированные ждут по году и больше. А на это время надо найти комнату по частному найму. И платить за эту комнату две таких стипендии, какую вы у нас получите... И вы так уверены, что будете успешно учиться? А ведь мы в нашем разговоре не коснулись еще самого главного. Институт наш ведь не технический. Искусство... как бы сказать... требует еще... как бы это понятней сказать...

- Понимаю. Требует еще свежести чувств, неповторимости восприятий природы. Короче говоря, кое-что от молодости.

- Вот именно, вот именно... будем откровенны. Вам не мало приходилось так или иначе зарабатывать хлеб. У вас укрепились навыки, которые вам будут мешать.

- Искалтурился, вы хотите сказать.

- Да. Будем откровенны, это неизбежный финал.

- А если я не подхожу под общую мерку, если меня еще рано хоронить?

Опять напряженная пауза, которую я сам попытался укоротить: "Давайте попробуем. Я не нахален. Когда-то был даже излишне застенчив. Я надеюсь и сам понять, что у меня хуже других получается, если это действительно будет так. Но если не так - тогда не уйду".

Так я вынудил "заведующего научной и учебной частью" института им. И. Е. Репина дать мне обещание. Но через минуты две мы встретили другого человека, когда вместе вышли из кабинета. Другой был больше чином - директор

института. Встреча была случайной. Мне просто не повезло. Полминутой раньше или позже — и мое дело прошло бы мимо его внимания. Узнавши о моих намерениях, он достаточно быстро представил себе, что моя фигура с седеющими волосами будет недостаточно полезным зрелищем для молодежи в этом храме искусств. От его взгляда повеяло холодком. О как много было этих взглядов в мою сторону, взглядов, леденивших душу! Впрочем, ко всему привыкаешь, если остаешься жив. Моя фигура /с недостатком одного сантиметра до среднего роста прошлого столетия/ привлекла к себе заботливое внимание. За этим вниманием таились поиски предлога, чтобы отказать мне. Моя мягкость могла бы только содействовать отказу. Мы показали друг другу клыки — и он отступил. Ему не понравилась моя логика.

Они отступили. Но сколько у них еще будет возможностей наступать снова и снова. Пока они возложили надежды на мои тяжелые условия: долго не выдержу — сам уеду.

2

Итак, моя семья едет. Я с ними разговаривал по телефону раненюко утром, когда линия более свободна. Слышали друг друга хорошо. Но ради этого им пришлось встать очень рано /на три часа раньше меня/ и идти по пустым улицам города и по степи, по редкой травке, маленькой-маленькой, засохшей к тому времени, на которой никогда не бывает росы.

Как поражала нас эта разница! Там земля почти голая. А здесь непролазная живая пустыня, неисчислимое количество жизней на каждом клочке земли. Там редко появляются облака на небе. Но если случится туча, темная, грозно приближается, то не воду она приносит. Хоть и висят под тучей пряди, местами густые, но эти пряди не достают до земли. Не долетая донизу, вода испаряется вновь. В середине

тучи пряди достают до густой пыли, поднявшейся им навстречу. Гигантский конус пыли, смешавший вершину свою с тучей, вместе с тучей надвигается... Пока издали смотришь на это движение несходных масс, все еще надеешься, наперекор опыту, хоть на малое освежение. Но вот сам попадаешь в густейшую пыль. Ничего не видишь. Мир стал коричневым... и довольствуйся тем, что на тебя попало несколько капель воды. Воняет пылью. Жара кажется еще более удушливой, когда туча прошла. Вот этот "карагандинский дождь" я часто вспоминал, пока не привык к свежести ленинградских дождей. И тучи как будто нет... Над тобой какое-то полупрозрачное облачко - а льет и льет.

Мы и сами окрепли, наперекор всем тяготам жизни. Легче телом стали среди этого буйства зеленой жизни. Вот я проболтался нечаянно, а другим не советую, другим, т.е. людям, еще не потерявшим гибкости ума и еще не приобретшим достаточной гибкости спины для успешного подхалимства. Таким людям я советую держать в строгой тайне, какой климат вам менее вреден и какие недуги вы успели воспитать в своем теле. Кое-кто этим интересуется иногда. И государство везет вас в неволю обычно не туда, где климат будет вашим другом.

Куда мы будем выгружать контейнер?

Вот в эту квартиру... Она в нижнем этаже. Пол на уровне земли. Постланные простыни здесь становятся сырыми. В окна удобно заглядывать прохожему любого возраста. Но несчастье не в этом, а в том, что эту квартиру необходимо освободить через месячишко и от наших тел и от нашей мебели. Квартирка не наша. Живет в ней семья двоюродного брата моей жены, Люси. В молодые годы он относился к ней дружески. Он и сейчас принял нас радушно. Правда, он при этом надеется, что

мы, наконец, становимся обыкновенными гражданами, без изъянов в правах. Сейчас его семья на даче, но с началом школьных занятий квартиру надо освободить. Свои подержанные табуретки и прочие вещи стараемся укладывать как можно компактнее, и все же остаются только узкие проходы в этой маленькой квартире. Разумеется, что разгружать очень удобно: из машины - в окно. Жизнь всегда чем-нибудь хороша, даже когда и будущее так тревожно.

3

Мне уже отказал начальник милиции Василеостровского района Ленинграда прописать мой паспорт в общежитии института, где мне обещали дать место одному, но решительно отказали дать комнату для семьи. Но надежда поселиться в Ленинграде окончательно не потеряна. Еще предстоит отстоять несколько дней в очереди в главной милиции Ленинграда. Очередь там большая, но счастливичиков мало. Я не стану изображать, как мы томились в очередях к разному начальству и входили в их кабинеты с каким-то жжением под грудью.

Едем с Люсей за город. Мне немножко стыдно, что я, может быть, недостаточно усердствовал в поисках жилья. Ох, и надоело же всю жизнь ходить по окраинам и спрашивать... стучаться и спрашивать у тех, кто не хочет разговаривать. Как трудно в любом городе найти охотника сдать внаем жилье незнакомому и нереспектабельному человеку. В малых городах это еще труднее, чем в столичных. И слову верить нельзя. Пообещают - успокоишься. Придешь в назначенный день - откажут. Вспоминаю жуткую ночь, морозную, вьюжную. Мы приволокли на саночках все свои пожитки. Стучим в дверь. Сначала нам не отвечают, потом нас не пускают... Лютует ветер, а у нас одежда сырая: тащились через весь город - пропотели.

- Ты только в двух местах нашел? - спрашивает Люся. - И нигде не договорился окончательно?

- Нет. В одном месте я сам окончательно слова не дал: хозяин алкоголик. В другом - мне не дают слова. Все что-то соображает хозяйка.

- Жену твою хочет посмотреть. А что мы так долго едем? Неужели поближе нельзя было поискать?

Я виновато молчу, хотя ведь какие-то соображения были у меня, но теперь они не приходят в голову. Едем в Стрельну. Едем до последней остановки трамвая, самой далекой от центра города. Выходим на кольце и едем еще дальше.

Ура! Договорились. Именно в этом месте, где мне нравилось. Двухэтажный деревянный дом, удаленный от дороги, окруженный большими деревьями, кустами. Верхний этаж будет пустовать зимой. В одной из нижних трех комнат будем жить мы.

Мы сразу почувствовали, как хорош воздух в Стрельне. Увидели, как красивы многие места. Мы прошли мимо прудов, прогулялись по парку до моря. Хороши расстояния для ежедневных прогулок. И когда, слегка утомленные и приятно возбужденные, мы сели на самые лучшие места в трамвае, я сказал: "На кольце всегда сядешь, а вот на тех остановках... Если бы мы жили ближе к городу - стоять пришлось бы по утрам".

4

У нас нет дров, или, более точно, нет денег на покупку дров. А топить придется обязательно хотя бы потому, что у нас общая с другой комнатой печь. Топить через день, но добротнo. Я начал приглядываться к сухим сучьям во время прогулок. Стали приносить кое-что годное на дрова. Хозяйка, добрая женщина, предложила нам распилить засохшее дерево,

большое, сильно разветвленное. Разделаться с ним оказалось непросто. Дерево не все за-сохло. Его нельзя было спилить под корень: живую часть надо было оставить. Часть тол-стых засохших суков распростирали свою бога-тую ветвистость над стеклами окон. Особенно угрожали веранде. Нам приходилось одновре-менно и пилить, взобравшись на дерево, и оттягивать веревками от дома надпиленные сучья, чтобы они, падая, не разбили стекол. И как же крепка для пилы оказалась эта су-хая древесина зато хороша на дрова. Поиска-ли и еще мертвой древесины вокруг дома - и у нас появилась поленница дров.

У нас очень хорошая хозяйка дома. Нам здо-рово повезло. По возрасту она нам годится в матери. Мы ей тоже понравились. Не сразу. Эта женщина первому впечатлению не очень до-веряется. Она наблюдательна дотошно, но не-заметно для окружающих. Позже она нам при-зналась, что испытывала нашего Петю, остав-ляя кое-где на видных местах мелкие деньги. Он не соблазнился. А когда она увидела, как один из двух студентов, живших рядом с нами в проходной комнате, ел тайком сало, при-сланное родителями его соседа, ел, вероятно, рассчитывая, что подозревать будут не его, то она сама разоблачила виновника, чтобы авансом защитить нашу семью от подозрения. Кстати сказать, виновником был тот из двоих, у которого внешность была более солидная, кто был более красив, более упитан, из бо-лее обеспеченной семьи. Когда мы /точно на срок/ отдавали деньги за комнату, она смуща-лась. "Мне ведь не к спеху. Можно подождать: у вас такое тяжелое положение". Но мы отве-чали, что откладывать уплату нет смысла, что "по одежке протягивай ножки". Позже она уменьшила нам плату с 400 рублей в месяц до 300. А чтобы мы не упрямылись она сосла-лась на свою дочь. Она-де меня упрекает, что я с вас дорого беру.

Лезет в подполье - обязательно предложит что-нибудь. "Возьмите, Люсенька, свеколки - винегрет сделаете". Все ей хотелось понять, кто у нас в семье самый оптимистичный человек, на ком держится все наше хорошее настроение. Решила, что этот человек - Люся. Всегда смеется, всегда разговорчива, никому не завидует - на ней все и держится. Если сравнить с нашей хозяйкой, почти старухой, наших соседей студентов, то их тела кажутся необитаемыми.

5

Когда к нам приходят гости, угощаем прогулкой по самым красивым местам. Гости наши - это наши старые знакомые или родственники. От них мы многое узнали о тех, кто погиб. Погибла одна из двух моих сестер, правда не в Ленинграде. Обе сестры успели уехать перед самой войной, чтобы провести отпуск, на родине, в Псковской области. Одна осталась жива. Все три мои брата погибли, неизвестно где и как. Могила безымянного солдата справок не дает. И Сталину не придется отвечать перед судом ни за одно из своих многомиллионных преступлений. Не героизм проявляли русские и все другие в этой войне, а тупую покорность и неспособность мыслить и понимать задачи времени. Из погибших только мой двоюродный брат Валентин Нарича оставил небольшой след. Он был еще молод для армии. Вот последние страницы его дневника. Он умер с голоду в "городе-герое".

"19 ноября 1941 года. Сейчас мне да и всем рабочим все равно, чья будет победа. У всех одно желание: скорее бы конец.

22 февраля 1942 года... Голод... холод... грязь... цинга... дизентерия... одиночество.

1 марта 1942 года. Новый месяц, кроме худшего, ничего не принес.

23 апреля 1942. Может быть, это последняя моя запись. Никому из моих друзей не удалось дожить до сих пор. Бусарь умер... Вова... Кисель... почти все огольцы моего возраста /и выше/ умерли. Я с каждым днем слабею. Ходить почти не могу. А признаться, обидно умирать в конце весны, когда тянулся в декабре, январе, феврале.

14 мая 1942. Последняя попытка: думаю пойти на стационарное лечение. О если бы это удалось! Как я завидую людям, которые еще ходят!

31 мая 1942. Надвигается лето. Я уже, кажется, на последней стадии истощения. Еле брожу. До 10 июля никакой надежды получить номер на усиленное питание не имею. Так что дело - мат. Но благодаря Малышу есть надежда попасть на свиносхоз. Поеду 2 июня. 1-го попробую добраться до бани, 2-го попробую влезть в трамвай, чтобы ехать до Новой. Сейчас у меня такое настроение, что я смею думать, что на этих страницах еще могут появиться признаки жизни.

6 июня 1942 года. Сколько подлецов, детоубийц, отцеубийц сделал Ленинград. Моральные уроды! Не знаю, что за люди, которые имели постороннюю поддержку /в столовых, на базах, в магазинах/, которые не чувствовали истощения. Да... Ленинград переживал и переживает. Если мне доведется, что весьма сомнительно, перечитывать эти записки, наверно, я не смогу вновь представить себе эти мысли... чувства".

Больше записей в его дневнике не было.

6

Первое октября - это официальное начало занятий в нашем институте. А фактически - это начало ежегодного принудительного похода студентов "на картошку". На время этого похода, который длится обычно один месяц, меня пос-

тавили к станку в мастерской - лепить. Рядом со мной встали еще три человека /из них один был китаец и один албанец/. Четверым нам посадили натурщика. Хотели протренировать нас перед началом занятий. А для меня эта работа была, конечно, более экзаменационной, чем тренировочной. Если бы я лепил слабо, мне не пришлось бы встретиться с основной массой студентов.

Можно подумать, что теперь главное внимание в этих очерках я уделю молодежи, студентам института. Но нет. Я отказываюсь изображать их поодиночке. Ограничусь общей характеристикой. Это не молодежь. Это безыдейные заморыши, "маленькие старички" /по выражению преподавателей/. Равнодушные к любой натуре, способные одинаково изобразить в заученной манере и старика и молодую девушку. Достаточно терпимые к любой неправде. Однажды разболтались, разоткровенничались с молодой миловидной женщиной из преподавателей "закона божия". Внешность ее расположила к доверчивости. Рассказали о поразительной недобросовестности своих профессоров, которые, живя в Москве, заглядывают в свою группу студентов в ленинградском институте не более двух раз в год, получая за это ежемесячно полную профессорскую ставку. А занятиями студентов руководит обычно ассистент, который получает в несколько раз меньше своего мнимого шефа и обычно в той же мере как шеф не соответствует своей должности.

- Что же вы молчите! - вырвалось у этой миловидной женщины.

- А что мы можем сделать? - отвечают студенты. - А кроме того, нам хочется закончить институт, не рискуя вылететь отсюда.

Не надо думать, что, закончив институт, они станут смелее. Ведь вот, преподаватель, с которым они беседуют, институт закончила в свое время. Она удивилась отсутствию смелос-

ти у студентов, но ей и в голову не пришло самой проявить смелость.

На огульные характеристики, конечно, удобно возражать. Люди и их поступки все достаточно разнообразны. Какая-то часть события всегда высовывается за контуры обобщающих линий. Мне первому нужно быть благодарным студентам скульптурного факультета за их участие, когда мне угрожала судебная расправа после успешной защиты от нападения сексота. На собрании присутствовал следователь. Студенты не вняли наставлениям декана факультета Керзина, который говорил им: "Будем доверять советскому следствию: не будем говорить о том, прав Нарича или не прав. Ограничимся тем, что охарактеризуем поведение Нарича в нашем институте". Однако студенты дружно и напористо заявили, что категорически не верят тому, что Нарича был нападающей стороной. И не только студенты, часть преподавателей проявили такую смелость. Но чтобы не было преувеличения, необходимо добавить, что тогда еще никто не знал, что я занимаюсь литературным творчеством. И мой арест, когда я уже добрался до пятого курса, был неожиданностью и для студентов и для преподавателей.

Несколькими годами раньше было в нашем институте и нечто вроде бунта. Студенты требовали замены плохих преподавателей и увеличения стипендии /только и всего!/ И ничего не добились. Несколько студентов после этого исчезли. Наше государство вынуждает людей гнить раньше смерти. Но даже и при таких условиях у молодежи теплится некоторое желание мыслить.

- Что такое политэкономия? - спрашивает студент, держа в руках учебник, и сам отвечает. - Политэкономия - это искусство составить вот такую толстую книгу, пользуясь двумя десятками слов.

"Закон божий" в то время составляли четыре предмета: "история КПСС, политэкономия, диалектический материализм, исторический материализм". Каждый преподаватель заканчивал свой курс лекциями о будущем рае, о коммунизме. Однажды студент, уже отслуживший в армии, не выдержал. Он громко крикнул с задней скамейки преподавателю: "А вы сами этому верите?"

7

Тридцать лет назад я учился с другой молодежью, со своими сверстниками. Разница велика, и не к лучшему. Даже внешне очень непохожи. Мы одевались, не стремясь к униформе моды. Мы одевались, а не выряджались. И бедность мы переносили с легким сердцем, без нынешних грабительских претензий к своим родителям. Не могло в наше время войти в обиход это позорное слово - "предки". Хотя внешних причин относиться к своим родителям свысока было больше: ведь они у нас часто не умели писать и читать. И вот такое любовное свидание в наше время было немыслимо:

- Она опоздала на несколько минут. Бежит... такая сияющая. Думает, сейчас приласкаю, успокою. А я ее - по морде... А я ее - по мордасям, по мордасям! - И это рассказывает студент нашего института и, сверх того, поэт.

Нашему поколению тоже гордиться нельзя. Мы первые начали куролесить, подстрекаемые свыше. "Культурная революция", перестройка учебных заведений - все превратилось в "революционные" пошлости. Везде слишком быстро взяла верх посредственность. И чего только не испытали мы! И студенческих коммун извели, и студенческих "бригад" с коллективной оценкой знаний. Не было только одного: не было ума в этих экспериментах. Истреблением и угнетением умных руководило правительство. Активность карьеристов оказалась очень велика

От их копыт много пыли... Вытопанное поле вместо социализма... сыпучие пески без признаков мысли с индустриальными декорациями со всеми внешними признаками цивилизации. Мы не революционеры, мы рекордисты пошлостей. У нас все есть - и ничего нет. У нас есть форма - и нет души. Наши организации - форма без содержания. Наш труд рекордно непроизводителен. Мы уже не можем прокормить самих себя. Мы уже не можем выжить без милостыни тех, на кого мы точим кинжал. Мы самая богатая страна по количеству ученых и бедная по разумной деятельности мысли. Мы нестерпимо хвастаемся своей идейностью, а разрешена нам только одна идея в искусстве: хвалить кремлевских пенсионеров, которых мы не можем заменить более дееспособными и разумными людьми. Мы агрессивнее всех, и знаем только два способа "идеологической борьбы": 1/ насилие откровенное, 2/ насилие по способу мафии.

8

Стоит натура на станке, и студент вместо того, чтобы с упоением, во всю силу работать - ходит, покуривает. Китайцы так не делают, да и я не уступал им в трудолюбии. Ведь я всю жизнь жаждал такой возможности. Но все остальные?.. Я их не понимал. Есть нынче такая шутка у молодежи художественных учебных заведений, средних и высших: "Пять лет дремоты, два месяца пота /дипломная работа/, пять минут стыда /получение диплома/ - и кусок хлеба на всю жизнь /ненадежный/".

Я выбрал скульптурный факультет, руководствуясь только одним желанием: сделаться хорошим рисовальщиком. Я знал одного человека, который, гонимый таким же желанием, пошел не на скульптурный, а на графический факультет. Кто из нас просчитался? Оба остались довольны своим выбором. Рисую, я искал новые пути к цели. Мне важен был не только резуль-

тат, но и метод достижения этого результата. И не только форма модели мне была важна. Важно было и то, чтобы рисунок, даже ученический, выражал не только неповторимость впечатления от каждой натуры, в худшем случае, хоть бы не противоречил этому впечатлению. И к этому я искал путей не через техническую виртуозность, а через ясное понимание и полезные привычки, при которых проза рисования и его поэзия не мешали бы, а помогали друг другу. Без оригинальничанья. Можно догадаться, что не всегда легко было избегать конфликтов с преподавателями при всей моей обтекаемости.

Китайцы меня поразили дважды: в лагерях, за колючей проволокой - своей устойчивой честностью и терпением, в институте - трудолюбием. Их древняя культура не сотворила из них "маленьких старичков". Они поражают своей юностью. Как хочется надеяться, что даже марксистам не удастся обесценить эту нацию.

- - - - -

Однажды Федя вернулся домой не один. С ним пришел юноша по прозвищу Майский. Случайно встретились. В Караганде были почти соседями. Его отца я знал. Скверная семья и скверные /или скорее обычные/ приятели у него были. И вот же нашел в себе силы воспрянуть. Выдержал экзамены в институт. Теперь он студент. Разумен, весел. С этого времени он посещал нас. Иногда он бывал и голоден, и мы вместе насыщались. Черный хлеб и какой-нибудь винегрет у нас всегда был, конечно без мяса, часто и без подсолнечного масла. Могли бы остаться только приятные воспоминания. Но вот однажды я подслушал его разговор с Федей. Разговор - обычный, но у меня возникла тревога, когда он выражал сильное желание побывать в Караганде, увидеть всех... и сделать это в ближайшее время, т.е. в ближайшие летние каникулы.

И я промолчал, занятый своим делом. Это мне тяжело вспоминать. Я не вмешался в раз^ор^ор. У всех у нас при некоторых обстоятельствах возникают некие обязанности по отношению к окружающим. Я свою обязанность тогда не выполнил. И нельзя мне оправдать себя обстоятельствами, приучившими меня к скромному поведению. Нельзя оправдаться и тем, что все равно он меня не послушал бы. Я обязан был сделать максимальную попытку отговорить его от такой скорой встречи со своими бывшими "приятелями". А уж тогда - будь что будет. Но оставим пока Майского. Позже придется вернуться к нему.

РАЗРУШЕННЫЙ ФУНДАМЕНТ ОБЩЕСТВА

1

Лето 1958 года. Себежский район.

Теперь туда, дорогой читатель, туда, где я обогатился самыми стоящими впечатлениями. Поедем сначала на поезде. Следов войны здесь уже не видно. Не только обгорелые вагоны не красуются или танки, постепенно тонущие во влажную почву, но и вокзалы уже все построены.

Пересядем на автобус. Дорога идет по лесу. Зеленая стена справа, зеленая стена - слева. Это вам ничего не говорит. А у меня оживают воспоминания. Это моя родина. Были здесь и леса, но не везде. Много было просторов полей, хоть и пестрых, холмистых. Синеватые дали не были большой редкостью, и с небольшого пригорочка можно было увидеть сразу много деревень. Все заросло.

А теперь пешочком пойдем. С трудом узнаю знакомые рельефы, где я некогда пахал землю. А теперь там... зелень, конечно, "свято место не будет пусто". А место действительно свято. Хоть и не достигли наших мест черноземы великие, почва здесь неплохая, а климат благодатный. Трудно поверить, что здесь густо росла и

рожь и пшеница. Деревья на этой бывшей пахоте еще не годятся на бревна, но и на дрова их уже бракуют здесь. Обленились нынче люди - подавай им тонкие "лесины": и срубить и пилить легче.

Я приближаюсь к деревне, где жили мои предки, начиная от прадеда. Это было некогда живописное скопище построек, яблонь и других деревьев на берегу малюсенькой речки. Речонка эта, однако, расширялась и разветвлялась около деревни. Было и глубокое место для купания. Все было... Теперь здесь почти пусто. Один только старый знакомый - мрачная ель. Уцелела на нашей усадьбе. Нерадостная встреча. Не девушка молодая вам улыбнулась, которую вы с трудом узнаете, потому что она выросла. Нет, это в вашу сторону угрюмо покосился калека. Была деревня - теперь здесь только две семьи живут, постепенно уменьшаясь. А было больше двадцати хозяйств. Хозяйство - это обычно человека три, пять и больше детей, кроме взрослых и стариков.

Следующая деревня - та же картина. А еще дальше две деревни - там и вовсе ничего нет. И хутора здесь были... Все было - теперь только кусты сирени отмечают те места, где были деревни. Иногда обгорелый тополь тянет с мольбой в небо свои засохшие сучья. Есть у него и молодые отростки, но они - ниже и не мешают сухому скелету молить кого-то об отомщении. Подойдя ближе к бывшей деревне, видим высокие бугры - бывшие печи, заросшие травой. Вокруг них /подойдем поближе/ в высокой траве обнаруживаются фундаменты жилых и хозяйственных построек. Пройдем кругом по фундаменту дома или избы. Домом у нас называли постройку побольше избы в две-три комнаты с капитальными перегородками. Что касается избы, то это было жилье, наиболее распространенное у нас, всем доступное без всякого исключения. Вот мы на фундамент избы и

попали. Не мешает удивиться, что она намного больше нашей комнаты в Ленинграде, которую мы недавно получили, одну на всех /22 квадратных метра/.

Осторожно! Смотрите под ноги. Здесь часто гадюки греются в солнечную погоду. Они почему-то любят места, заброшенные человеком. Кроме избы, каждый крестьянин имел хлева. Строились они тоже капитально. Овцы, свиньи, каждая корова, лошадь - имели свои отдельные комнаты, чуть поменьше нашей ленинградской. Их нечасто перегораживали надвое. Был у скота даже общий большой зал, вроде гостиной, правда, неутепленный, денником назывался. Выпускали сюда скотину на разминку, прогуляться, напиться. Сюда ставили чужих лошадей, когда приезжали гости. Спешу уточнить, что речь идет не о богатых хозяйствах наших краев, а обо всех. На 22 хозяйства нашей деревни только в одном не было лошади и был неполный комплект построек, но были свиньи, овцы, одна корова /на четыре человека/ от которой не продавали ни одного литра молока. Добавим к этому, что хозяин был сапожником, чинил и шил сапоги не для одной нашей деревни. Постройки имели во всех деревнях исправный вид и вовсе не походили на свои изображения в произведениях искусства, сочиненных лжегуманистами.

2

Приближаясь к Нище, где живет моя тетка, куда мы и держим путь, мы стали встречать кое-где запаханные куски земли. Издали невозможно определить, что там засеяно. Какой-то незнакомый колорит, желтый ковер. Подходим близко. "Да ведь это же сурепка!" И только теперь мы различаем, что, кроме сорной травы, там есть и колосья. На следующем поле - что-то темное, высокорослое. Издали не узнаю. Приближаемся - чернобыльник. Но надо подойти совсем близко, чтобы определить, что же там

засеяно. Раньше крестьянину этакое не могло даже присниться.

Чтобы не быть клеветником на святую "советскую действительность", добавлю, что через некоторое количество лет здесь хлеба временами будут одерживать перевес над сорниками с помощью химии. Однако при этом, чтобы не оклеветать и дореволюционной действительности, необходимо добавить, что той чистоты полей, которая была у крестьян, здесь и с химией никогда не достигали.

Мы идем медленно. Я думаю. Сначала "теория социализма" разорила и разметала людей. А вместе с людьми погиб и самый здоровый образ жизни. Тот образ жизни, за счет которого паразитировали все остальные способы существования. Потом война дожгла остальное. За что воевали? За то, чтобы эта земля пустовала. За то, чтобы к этой пустующей "нашей" земле присоединить и чужие земли. Человеческая цивилизация способна совмещать модные "теории" с самыми устаревшими предрассудками.

Неожиданно страшный грохот заставил нас остановиться. Мы огляделись, ничего не понимая. Что это? Землетрясение? Извержение? Нет, в этих благодатных краях ничего этого не бывает. Это пролетела вереница новейших самолетов, очень низко, очень быстро, со страшным грохотом. А вот здесь, внизу, примята густая трава. Примята и выпачкана какими-то "нефтепродуктами". Здесь кто-то долго возился со своим неисправным мотоциклом.

3

Но вот мы пришли. Объятия и слезы мы пропустим. Тетка сказала, что я уже записан в "поминальник". Было такое поверие, что если человека, от которого долго нет вестей, записать в поминальник, то он не выдержит такого положения - явится.

Маленькая—маленькая халупка. Тете Нюше везет на тесное жилье. В Ленинграде жили с мужем в тесной комнатухе, и здесь, в деревне у нее появилась хата-малютка, перестроенная из клетки /амбара/. После войны приехала она сюда одна из ссылки. Муж погиб в лагерях в качестве заключенного по пятьдесят восьмой статье. И вот она живет в бывшей клетки. Были и бревна ей выделены для полноценной хаты. После войны местным властям очень хотелось поскорее создать некоторое количество деревень. Строительство поощряли сколько умели. Но ее бревна забрал себе Титович. Титович — это местный Сталин. Много загубил он людей, многим мешал жить, и долго царствовал. Не знаю, насколько верно здесь переразвивали его речь.

— Каса-еттакая штука, тебе уже помирать скоро. Ты старая. Зачем тебе новые бревна? Я тебе дам клеть Дашкину, и такой хаты тебе и хватит до смерти.

Дашка — это родная сестра тети Нюши. Дашка отдала свою клеть /единственное, что уцелело от всей деревни/ в распоряжение Титовича из подхалимских побуждений, боясь не угодить начальству. Но в то же время она считала, что она облагодетельствовала свою сестру. Сестры не ладили. И во время неприятных разговоров Дашка не забывала напомнить Нюшке, что она живет в ее хате.

Из новых бревен, своих и чужих, Титович построил себе большой дом. И конечно же он построил свой дом совсем близко от колхозного амбара. Только пережить мою тетку ему не удалось: давно уже он помер. После долгих и страшных мук пришла к нему "смерть-избавительница". Умерла и его жена. И теперь там живет семья "учителки", секретаря местной парторганизации, которой близость колхозного склада тоже очень полезна.

Мы почти каждый день здесь ходим "на Улитино". Чуть больше километра — туда. Излюбленное место для наших прогулок. Улитино — маленькая деревня, дворов с десяток. Половина из них были крепкие хозяйства. И именно в этих семьях находились молодые люди, активно помогавшие молодой Советской власти. И стенгазеты размалевывали и на сцене в Нище появлялись. Но Советская власть очень быстро одряхла. Самые завистливые и злобные из горожан, натравливая и деревенских друг на друга, назвали эти семьи кулацкими, и лучшую половину хозяйств уничтожили. Остальное довершила война. Теперь тут пусто. Дашкина клеть, перевезенная в Нишу, уцелела только потому, что во время пожаров она была разобрана и бревна лежали кучей. Кусты сирени... шиповник... А вот в одном месте и желтые цветы успешно воюют за свое место с дикими травами. Здесь их разводили дочери Мишки Федотенко, рослого богатыря. И дочери все были рослые, красивые. Были здесь и другие красавицы и умницы. Здесь я впервые стал заглядываться на девочек и девушек.

Мы стоим на печине самой знакомой мне хаты этой деревни. Здесь жил герой-партизан Коля, Дашкин сын, мой двоюродный брат. Странная судьба этого юноши. Он, как автомат, выполнил чужую волю, не будучи влюбленным в Советскую власть. Сестра моя Тоня глупее его была, но и она меня удивляет. Как можно так ослепнуть? Я уже упоминал о моих сестрах. Они обе приехали сюда перед самой войной. Приехали провести здесь свой отпуск. Здесь и застали их кровавые события. Старшая /Тоня/ сделалась партизанкой. Как можно так ослепнуть? Ни "сплошная коллективизация" и погубленные близкие люди; ни мой арест, а она не только знала, что я ни в чем не был виноват, она и уважала меня; ни ее собствен-

ные испытания - ничему не научили ее. Она предпочла поверить паршивеньким книжкам да фильмам. Избитая колея влечет. Легче быть членом стада, чем самой мыслить. Как бы она поступила, если бы ее попросил я сделать мне услугу, услугу связанную с некоторым риском? Меня она бы не обрадовала. А тут она пошла в огонь и погибла. Чем они были ей ближе меня? Да только пошлостью.

Информация о ее кончине оказалась разнообразной. Это характерно и для других случаев. Наиболее правдоподобным мне представляется такой ход событий. Кто-то из партизан высказал подозрение о связи ее с немцами. Как же, что-то записывает и прячет в лифчик. Это был ее дневник. Вероятно мечтала прославиться со временем. Может быть местами и преувеличила свои услуги партизанам. Говорят, она 14 человек завербовала в партизанский отряд. Показать свой дневник она отказалась. Тогда ей предложили убить своего дядю /хорошего человека/ и тем доказать свою верность партизанам. На это предложение она ответила бранью. И ее тут же уложили из автомата. Потом пожалели.

О Коле мне рассказывали больше. И сведения были достоверны... внешне. Но мне хочется увидеть и тонкости колорита. Почему он "пошел в партизаны"? Не хотел ехать в Германию. Почему? Пожалел мать, хотя она оставалась не одна, с дочерью. Мать могла бы и поменьше жаловаться на свою горькую долю, если бы хотела этого. В партизанском отряде он был ранен в руку. "Рука стала сохнуть", по словам матери. И "люди стали говорить, что вот теперь ты станешь калекой. Кто тебя будет кормить?" От каких людей он слышал это нытье? Да щедрее всего от своей родной матери. И он пошел опять разбойничать. Когда немцы отсюда ушли, он пошел добровольцем в регулярные части Советской армии. Пошел затем, что-

бы его доби́ли. Не захотел жить инвалидом. Умереть захотел с пользой для родины. И умер. Теперь мать партизана обеспечена пенсией и может при случае кольнуть свою дочь: "Не ты меня кормишь. Меня сын кормит".

На улитинском поле, где-то вот здесь, пахал землю здешний силач Мишка Федотенко. Дочек у него было много, но сына не было. Сам поспевал за лошадью. Но был еще крепок. Однако и богатыря не трудно одолеть с помощью цивилизации. Из-за кустиков раздались автоматные выстрелы, и пахарь перестал двигаться. Кто это сделал? Партизаны. За что? Да кто-то подслушал, что он высказал идею, что-де не было бы партизан - и жили бы мы спокойно. Нас-де никто не трогал, пока их не было. "И притеснений нет: хоть колхозом живи, хоть один паши". Возможно, что для выражения этой идеи были употреблены и нецензурные слова. И вот выполнять боевое задание прислали двоих. Один из них был - Коля. По словам его матери, стрелял не он. Но Колю видели в этот день в своей деревне. И с этого дня для его матери началась "веселая жизнь". Агата, жена убитого, пожаловалась... не немцам... и не полициям. Она пожаловалась партизанам из другого отряда, где были ее родственники или друзья. И вот от этих партизан и пришлось Колиной матери и сестре побегать из своей избы в соседние болота. Эти "неприятели" и ломали ей рамы в окнах. С ними вместе бегала и моя вторая сестра Шура /с ребенком/. Однажды Шура не успела убежать или поленилась /надоело/, и к ней привязались. Она не выдержала и высказала возмущение их поведением.

- С бабами воюете, а не с немцами.

О, этих слов было вполне достаточно, чтобы пустить в нее очередь из автомата. Она осталась жива только благодаря удачному поступку. Когда она увидела, что на нее направляют

дуло автомата, она взяла свою Викторку на колени и сказала:

- Стреляй обеих. Без меня ей все равно пропадать.

И выстрелы не последовали.

6

Партизан становилось все больше. А вредили они не только своим, но и немцам. Естественно, немцы требовали, чтобы мирное население не давало приюта партизанам и не оказывало им никакой помощи. Но партизаны вовсе и не думали о том, чтобы дать возможность населению иметь свое мнение. Партизан беспрерывно подстрекали радиопередачи из Москвы, искусственно раздувая ничтожные зародыши пожаров. Приятнее было себя чувствовать не бандитами, а героями. Героям прежде всего нужно было есть, есть каждый день и даже не один раз в день поэтому главной областью их деятельности были грабежи местного населения.

- Вы хоть ребятам киньте что-нибудь... помрут с голоду.

- А мы никому ничего не кидаем.

И уносили не только продукты. Люди склонны к грабежу. А ограбленные умудрялись еще доносить друг на друга немцам и полициям, используя случай сводить счеты между собой. Разбирайся, немец, добровольно ли ты помог партизанам или тебя просто ограбили.

Оголтелое поощрение партизан, забрасывание в тыл немцам оружия и людей, чтобы появились партизаны там, где их нет, - это бесчисленное количество преступлений, от которого больше немцев страдал русский народ. Для того, чтобы разжечь вражду между русским народом и немецкими солдатами, нужно было прежде всего русских обречь на массовую гибель.

Кровь неприятелей не принято беречь. Напротив, "хочешь жить - убей немца!" читали мы на плакатах военного времени. Один из известных писателей уверял в своем произведении, что ему доставило бы удовольствие по колено зайти в немецкую кровь. Нет, этого мало, он идет дальше, глубже... по горло. А захлебнуться в немецкой крови - это уже высшее наслаждение. Но кто берег русскую кровь. Я вспоминаю, как пленный немец, сидевший со мной в тюрьме спустя несколько лет после войны, переваривал, как самую свежую новость, беспощадность наших палачей к своим собственным подчиненным.

- Да-а... не жалело ваше командование своих людей... не жалело. Против современных пулеметов... почти с голыми руками!..

Когда нас, комсомольцев, прежде войны обучали военному искусству, нам давали хоть воображаемые ножницы для резания колючей проволоки. А во время войны мышление упростилось: когда приходила очередь наступать самым задним, проволочные заграждения местами исчезали под трупами передних.

Себежский район оказался в руках немцев очень быстро. Тетка рассказывает, что они и стрельбы даже не слышали: "Ложились спать - свои были, утром встали - немцы кругом". Все убийства произошли позже, и все сожжено - тоже позже.

7

Самым прославленным партизаном в здешних местах был Дуда. Это его прозвище, которое перешло ему от матери. Мать, говорят, очень зазнается. Живет в Ленинграде, получает чуть ли не персональную пенсию за заслуги сына. "Жила бы Совреспублика, а мы-то проживем". Эти слова поэта родились в годы партмаксимума. И как безнадежно они устарели

для десятилетий персональных пенсий. Большой чиновник не желает разделять с народом ту самую нужду, причиной которой он сам является. Чемпион по коммунистической морали, он желает получить и в старости во много-много раз больше того, кому он врет о скором рае земном. Говорят, что пенсию Дуды-матери несколько уменьшили после многочисленных жалоб населения на преступления Дуды-сына. "Это был настоящий бандит" - сказал о нем бывший партизан его отряда. В отряде Дуды был и Коля.

Дуду-сына я знал ребенком. Ему было лет 9, когда мне было 13. Сам он тогда не вызывал у меня любопытства, но его родителей хорошо помню. У его отца было другое прозвище - Паразит. Это прозвище прилепила ему собственная жена - Дуда-мать. Это был маломощный среднячок, кроткий, покорный своей жене. Сын пошел не в отца. Он сделался копией своего дяди Арсея /так называли его в деревне/. Брат Арсея и Дуды-матери был мужем моей третьей тетки, умершей до войны. У этой тетки в деревне Жоглино я жил два года и на Арсея нагляделся и справа и слева. Это был питерский рабочий, коммунист, чекист. Коммунистом он стал не тогда, когда это было опасно. Он стал коммунистом тогда, когда это стало выгодным. Много их хлынуло в партию, когда ее положение определилось. Что он мог предложить молодому государству, какие свои способности? Знаний нет, умишком не силен, руки вовсе не золотые. Он предложил свою наглость и кровожадность. Этим он был богат. В молодости он жил в деревне, и там его ненавидели и стар и млад за его регулярные хулиганства. Однажды с ним было посчитались его сверстники. Все очень обрадовались, когда услышали, что Арсея убили. Но он отлежался на дороге за ночь и выжил. Какая-то "добрая" баба перевернула его, "чтоб он не захлебнулся своей кровью".

Хорошо помню, как он не раз спрашивал своего брата Захара, мужа моей тетки:

- На кого ты сердит? Застрелю и мне ничего не будет. Скажу, напал на меня. Мне разрешено носить оружие, а это, брат, что значит? Это вот... я имею право защищаться. Не игрушку ведь мне дали.

Он носил свою неигрушку открыто, в кобуре. Значит, его способности были оценены высоко и доверием он пользовался большим. Что касается его мировоззрения, то он выражал его таким образом:

- Жизнь коротка и надо уметь жить. Я считаю потерянным тот день, когда не произошло ничего особенного, когда все обычно, без удовольствия.

Удовольствия же он находил не в чем ином, как в "пережитках прошлого", т.е. в разврате и пьянстве.

Дуда-мать тоже была очень злая женщина. Я у них бывал много раз, но видел ее только в одном состоянии. Разговаривая с моей теткой, она возбужденно махала руками и тыкала пальцем в сторону соседей со словами угрозы. /Дуда - это музыкальный инструмент, при игре на котором надуваются щеки/. Даже девушкой она была всегда злая, "надутая", плохо настроенная. В этом нежном возрасте она и получила свое прозвище.

Дуда-сын пошел в своего дядю-Арсее. А я по характеру несколько похож на своего дядю - поляка Дубовского. Ребенком я у него иногда брал книги. Библиотека была хорошая у этого сельского жителя. Он вел небольшое хозяйство и работал землемером в своем районе, имел золотые руки в области керамики. Интересовался и естественными науками и искусством. Этому человеку не было скучно в этом мире. Скучно было Дуде. И вот одно из его очередных

развлечений. В один из дней, когда по его расчетам он не мог встретиться с немцами, отважился он хвастливо прогуляться в саночках на лошади со своими сообщниками. Заехали и в Нищу. Здесь было убито двое. Один из них был Дубовский.

8

Прогуливались мы не только в сторону Улити-на. Прогуливались во все стороны, иногда - далеко. И везде удивительное запустенье, безлюдье. Появились новые деревни, вместо восьми старых - одна новая, где собираются остатки населения. Люди собираются в кучи. О производстве они теперь уже не думают, думают только о потреблении: поближе к магазину /теперь хлеб никто сам не печет/. В новых деревнях не селятся так близко друг к другу, как было в старых. Лучше, когда и куры соседские не достигают твоего огорода. Часто в избе живет одна старуха, либо кандидатка в старухи. Таких семей, где есть дети, мало. Мужского пола молодежь держится в деревне только до призыва в армию. После армии в деревню не возвращается. Девушки тоже исчезают, ибо, живя в деревне, расстанься с надеждой выйти замуж. Знакомство с людьми новой, послевоенной деревни отложим на более поздние страницы. Я еще не расстался с прошлым.

К тете Нюше пришла гостья, жена ее двоюродного брата Яшки, ослепшего в молодые годы по неизвестной мне причине, по прозвищу Родителька. Это собрались две старые подруги. Что их связывало тогда, когда они были молоды? Жили далеко друг от друга. Сходства - никакого. А она всегда заходила к тете Нюше, когда бывала в наших краях. Я хорошо помню, какой она была тогда.

Это была красавица, излучающая здоровье. Застенчива... много их таких было. Но чудилось

в ней что-то неповторимое. Трудно выразить словами то, что и чувствуешь больше, когда ее уже нет. Как будто взамен себя что-то оставила приятное. Она не смутит вас прямым взглядом. Чутьочку взглянет, как бы со стороны, покраснеет, как бы попросит извинения за то, что она здорова, за то, что она красива. Помнится в ней некоторая полнота. Но это вовсе не та полнота, к которой вы привыкли, болезненная излишняя полнота ленивых горожанок. Нет, это полная мера здоровья, это пластичность и упругость, это избыток сил и спокойствия. Все, кажется, успела сделать и еще не всю силу израсходовала. Такие бабы рожали так, что у нее старшие дети не просыпались в эту ночь. Да и все остальные с этой задачей справлялись успешно. За много лет я не слышал ни об одном трудном случае.

Но это проза, где же поэзия? Ухмыляемся, какой же поэзии ждать от деревенской бабы. Так нет же, вот она поэзия без фальши. Свежо в памяти, хотя и очень давно было. Тетины Ньюшины слова не воспроизведу... Что-то невероятное. Просила жалеть ее слепого брата, а заодно и ее пожалела, чтобы смягчить претензию. Ее молодая собеседница даже выпрямилась.

- Ай что ты такое говоришь!.. Я ничего не понимаю. Какая ж я несчастная? Мне хорошо. Это он не видит света Божьего, а мне хорошо. Меня жалеть не надо.

Тетя Ньюша смутилась. "Ну все-таки... Вот тебе приходится всю мужскую работу делать".

- А я не боюсь работы. - Задумалась, улыбнулась и продолжала, застенчиво: - Выйдешь косить раненько... Туман по низинкам. Солнце скоро будет всходить. А птички так поют... так поют... Все такое красивое. Грех обижаться на судьбу.

Как она изменилась! Не составить из этих двух образов одного человека. Худая, угловатая. Ноги как две палки торчат из-под неопрятно помятой юбки. Эти ноги еще по многу километров могут топтать, но человека носят они другого. Она уже поверила людям, что она несчастна. Теперь пьет при всяком удобном и неудобном случае. Вчера пришла навеселе. Сегодня раненько утром уже пляшет. Стучит в потолок, будит нас /спим на чердаке/, кричит: "Мишутка, вставай, что вы так долго спите! Идите в хату. Нишутка, родителка, ты ж на меня не сердись. Я такая, веселая".

Невеселое веселье.

9

Мы с Люсей решили сходить в Огурьки, в ту деревню, где живут Родителка и мой слепой дядя. Это большая прогулка. Хотелось бы идти беззаботно, но приходится иногда с трудом переходить через большие лужи, прерывающие дорогу. Дорога эта некогда была хороша. На месте этих больших луж были мосты, под которыми чуть слышались ручейки. Но эти мосты в свое время взорвали партизаны. И без мостов можно ездить по этой дороге. Но все же лужи портят настроение. И немцы могли испытывать некоторые неудобства в течение трех-четырёх лет. Теперь эти неудобства испытывают наши шофера. И будет это продолжаться в течение тридцати-сорока лет.

Я вовсе не пытаюсь выдать эти пейзажи за типичную картину всего государства. Слишком велики и разнообразны пространства всей империи. Здешние земли не давали много хлеба на продажу. Однако хорошо кормили свое густое население. А теперь здесь лучше, чем в других местах видно, что город одержал уже победу над деревней. Уничтожил. Хорошо запла-

тил своему кормильцу. Не свет науки, а фальшь наукообразных упражнений принес он деревне. Не возвысил с помощью искусства, а залепил грязью развращенного воображения. Смакованием разврата и восхвалением разбоя платил он за пшеницу. Не справедливость, а дикое насилие! Как деревенскому человеку можно было понять, что ученый город может заниматься такими безнравственными глупостями. Скорее себя самого он мог взять под сомнение, себя почесть отсталым. Стыдился своего вида, своего языка. А город всегда с особым усердием выражал ему свое презрение. Как безнаказанна и безответна была любая типографская клевета, любые выдумки о деревне. Ручейки правды и моря лжи о русской деревне! Невозможно быть сильным, не веря в свою правоту. Как мог крестьянин постоять за себя, дать всему верную оценку, не подражать. Крестьянин был хорошо организован для созидательного труда. Не было у дореволюционных газет такой обязанности, надоедать крестьянину напоминаниями, что пора сеять, что пора убирать. Но он всегда не был организован для защиты от организованного бандитизма города.

Но теперь явно, что город сам катится к гибели подобно древнему Риму, только значительно быстрее. Древний город хоть довольствовался грабежом. Довольствовался хлебом, солдатами, рабами. Забирал и всех талантливых людей для своего обслуживания, опустошая деревню, но делал это бессознательно. Нынешний же город, пользуясь самыми правозверными теориями, сознательно уничтожает весь здоровый, естественный уклад жизни, порождая все эти силы. Спорно ли это? Да, тому, кто за деревьями не видит леса, этого не понять.

Дорогу в Огурьки мы не знаем. Спрашивать не у кого. Но вот на наше счастье мы видим ковров. У дороги, нельзя сказать, что тощий, скорее плотный старик. Спина прямая. Взгляд внимательный, но без выражения любопытства. С ним рядом женщина, чуточку помоложе.

- Скажите, пожалуйста, мы правильно идем в Огурьки?

- Правильно, - ответила женщина. - А к кому ж это вы там?

- А ты что, не видишь, - перебил ее старик, не дожидаясь нашего ответа, - Васькина порода, лопатинский.

Я был сильно удивлен. Ведь лицом я пошел больше в мать, чем в отца. Васька - это мой дед с отцовской стороны. Его доля мала в моей внешности. И вот поди ж ты, с какой спокойной уверенностью сказал и, не дожидаясь нашего подтверждения, пошел за коровами. Да такой наблюдательности нынче и у художников не сыщешь. А в другом месте, километров тридцать отсюда меня так же безошибочно узнают старики как Ванькину породу /деда по матери/. Прощайте, последние люди русской деревни.

В Огурьках мы увидели замок на двери. Спросить не у кого. Даже у окон не видно любопытного лица. В старину в каждое окно смотрели детские лица, когда подавали голос собаки. Постучать в чью-либо дверь - неохота. Попробуем подождать. Ждали недолго. На дворе появился мужчина. Шел из сада. Одежда слишком скромная, вылинявшая. Он?! Но ведь это не слепой. Он так уверенно ходит по двору. Слышал я, что он всегда находит себе работу по дому, плетет корзины. Но это уж слишком! Я видел его последний раз, когда был еще мальчишкой. Он или не он? Как зрячий подходит к двери, открывает замок... Мы подходим, спрашиваем имя. Он по моему голосу догадывается, кто я.

10

Пока мы ходили по опустошенным просторам, Майский со своими прежними приятелями, с которыми так жаждал видеться, ходил по пивным. С теми же людьми, по тем же местам. Там ему

приходилось встречаться со своим отцом, у которого тоже - свои собутыльники. Случалось, собутыльники двух поколений дружно объединялись в одну компанию, сдвигали поближе свои столы.

Второй учебный год у Майского пошел неудачно. Видимо, он лишился стипендии за неуспеваемость /он перестал к нам ходить/. Я не могу поверить, что он стал воровать без серьезных причин. И вот финальная сцена. Он пришел к нам встревоженный. Что он хотел? Пугать?.. просить?.. мою жену /она одна была дома/, чтобы она врала в его пользу. Это осталось неизвестным. Слишком скоро по его следам пришли студенты из его института, видимо, дружинники. У моей жены они спросили, какие вещи от нас получал Майский. "У него часто стали появляться вещи, и он говорит, что вы его друзья, и часто делаете ему подарки". Жена сказала, что от нас он не получал никаких вещей. "Да мы сами видим, как вы живете. Все подарки - выдумка". Его увели, оставив тягостное чувство.

- - - - -

У одного из своих знакомых слышу разговор, точнее спор. Спорят о деревне. Уморительная сверхнаивность! Он уверяет, что в советской деревне все изменилось, все механизировано и автоматизировано и весь быт становится похожим на городской. Она скептически махает рукой и утверждает:

- Ничего там нет. Деревня осталась такой же, как была при Рюрике.

Может быть, не надо удивляться: оба они горожане, у них даже родственников в деревне нет. Но я еще не сказал главного. Он - писатель, хоть и не знаменитый, но я листал его роман, изданный отдельной книгой. Не исключено, что в случае надобности он может написать что-нибудь и о деревне, даже сопоставить

рюриковскую деревню с советской. Она, его знакомая - редактор. Она изучает деревню из окна поезда. Он почти каждый день включает телевизор, "чтобы не отстать от жизни".

11

Лето 1960 года. Ленинград.

Как сделаться храбрым? Для этого тоже нужна практика. Меня удивила острота впечатлений от первых прогулок. Бывал я в переделках разного рода, но я еще не ходил с бомбой в кармане, которая может взорваться раньше, чем мне удастся приблизиться к царю. Споткнуться в самом начале пути - вот это ужасно. В голове возникают картинки случайностей и неслучайных провокаций, которые ведут... сначала в милицию. Обыск. Мне известно, как бесцеремонно потрошат карманы даже не арестованных, а только "задержанных для выяснения". "Что там у него в кармане?" Это не бомба. Это гораздо более страшный предмет для наших владык, одержимых манию властолюбия. Это пакет с рукописью. Он заклеен? Пустяки. Пакет твой открыт, и ты лишен дальнейших прогулок. Все кончено.

Советские юристы и газетчики величают нас грязными клеветниками. Нет не мы бандиты! На бандитские удары я отвечаю ударами мыслителя. Я бросаю вызов. И не только марксистам, но и модникам в области искусства, нашим и зарубежным, и всему равнодушному к истине миру. Мне мало, чтобы меня только оправдали. Я претендую на первое место в мире в несуществующем конкурсе универсального правдолюбия в искусстве. Покажите мне того, кто превзошел меня в борьбе с преувеличениями и другими дешевыми приманками в своих произведениях, превзошел в подлинной самостоятельности и активности мышления. Кто полнее меня отказался в искусстве от всех лоскутков клоунского костюма, скроенного веками? Кто полнее

пренебрег всеми вывертами моды, не пугаясь фальшивого ярлыка отсталости, не страшась непрекращающихся мук и постоянной угрозы насильственной смерти? Во сколько же раз мне нужно превосходить силами духовные возможности среднего художника?

Но вот там, в той роли с пакетом в кармане, я не претендую на звание мастера спорта. Я охотно уступил бы его любому карманному вою. Но и они промышляют не в одиночку. Я хожу один. Ищу удобного случая передать свой пакетик иностранцам. Иностранцев встречал. Но удобного случая еще не было. Наше государство свирепо заботится о всяком устранении таких удобств. Я понимаю, что потребуется некоторое количество прогулок только для того, чтобы преодолеть внутреннюю робость. Научиться сочетать крайнюю осторожность с резкой готовностью рисковать всем. Как обрести надежное хладнокровие? И как это сделать быстрее? Я еще не сделал ни одной попытки, а мной уже интересуются шпики.

Арест и что за ним последовало изображено мной в очерке "Преступление и наказание". В раннем варианте того очерка была глава, где я делал попытку очень коротко изобразить мои переживания при посещениях деревни. Если именно этот вариант и попал на Запад, то я прошу издателей эту главу из того очерка выкинуть. Тот очерк можно присоединить к этим мемуарам.

МОИ ВОСПИТАТЕЛИ

1

Три года держали меня в тюремном сумасшедшем доме, безуспешно добиваясь моего раскаяния. Перед тем, как выйти оттуда, я услышал от врача Калинина очень странные слова: "Мы выпускаем вас на свободу, но вы не возрадуетесь. Вы еще покаетесь, что ушли от нас. Вам будет там очень плохо".

Теперь я приступаю к выполнению обещания показать новую деревню. Нет, не всю необъятную империю... только ту частицу ее, которую я хорошо рассмотрел. Однако в любом месте по нынешним жителям деревень невозможно понять, каким был крестьянин, представитель древней культуры. Можно восхищаться тем, как мало они расходовали металла на свои инструменты и простейшие, но умнейшие машины. Не презрения, а восхищения заслуживает техника их труда, их быт с участием детей в труде, их хозяйство, где использовали все, что брали от земли, в пищу себе и на корм скоту, и сполна все возвращали земле. Даже трехпольный севооборот для наших мест был неплох. И этот способ производства давал крестьянам в зимнее время досуг, достаточный для получения полноценной информации об окружающем нас мире, если бы некая горсточка интеллигенции создала для них умные книги.

Я вовсе не считаю крестьянский быт вершиной совершенства, где нужно было остановиться. Но крестьянский быт был здоровой основой всего общества. Это был не тупик, а магистраль, ведущая к истинному совершенству. Нужно было продолжать путь вперед безо всякого насилия. А мы под плеткой горе-теоретиков шарахнулись в сторону. И все загубили. Загубили вполне, ибо нет больше людей, желающих работать на земле и способных на это. Некому сотворить новый нэп, новое чудо. Пресловутый нэп наши литераторы изображали как расцвет городской спекуляции и кутежей, а это была демонстрация могущества крестьянского хозяйствования. В кратчайший срок крестьянин устроил сытную жизнь городу, хотя город в обмен давал ему очень немногое и драл за это вдсятеро. Новое чудо в России невозможно. Делайте чудеса в других местах. А мы заняли первое место в мире по агрессивности и лживости.

Весна 1966 года.

Едем в деревню. Ох, и тяжелы же наши рюкзаки. До чего же мучительно преодолевать большие расстояния с такой ношей. Когда мы с Петей останавливаемся на короткую передышку, мы не садимся, а расслабившись, падаем в снег. Повалявшись минут десять, с трудом поднимаемся на ноги и не сразу верим, что мы еще способны идти дальше. Кроме прочего в наших рюкзаках - несколько увесистых чугунов для русской печи. В ленинградских магазинах они иногда бывают, но в нищанском и в себежских я их никогда не видел. Зато в Нище можно купить овощные консервы из тех, которые завалились в городе.

Тетя Нюша умерла в начале 1965 года. Ветхая избушка-малютка осталась мне по ее завещанию вместе с огородишком. Огород у меня не отняли и даже не уменьшили. У моих воспитателей из КГБ был план: вынудить меня уехать из Ленинграда и поселиться в деревне. И чтоб это имело вид добровольности.

И вот вместо меня в Нище переселяется Петя. Желание у него очень сильное. Он полюбил деревню в качестве дачника. В качестве добровольца он немножко попробовал и здешней работы, немножко знаком со здешними обычаями и людьми. Он готов мириться со скромными заработками. Намерения его чисты и честны. И все же пришлось употребить немалые усилия, чтобы отговорить его. Безрезультатно.

- Твои заработки будут очень маленькие, деревенских эксплуатируют вдвое больше, чем городских. А ты уже семьей обзавелся... ребенок.

- Нам хватит того, что я заработаю: у нас будет огород и сад.

- В Нище нелегко получить постоянную работу.

- Я устроюсь почтальоном, нам и хватит.

- Прозевал. Место занято. И поверь, что эта женщина зубами будет держаться за эту работу до пенсии.

"Пойду пастухом". Пете закрыли дорогу к профессиональному образованию, че только в институты, но и в техникумы. И вот его новые мечты. Всех он в Нице удивил своим решением, противоположным всем ветрам нашего времени.

- Да я за одну только прописку в Ленинграде все отдала бы, - говорит продавщица.

Петя не хотел, чтобы я пошел вместе с ним к директору совхоза, и не только потому, что мне пришлось бы прошагать двадцать с лишним километров, считая и обратный путь. Директор произвел на него нелухое впечатление. Уверил что, работая пастухом, он заработает более ста рублей в месяц. Петя слишком доверчив. Он был бы излишне доверчив даже и не в советских условиях. Однако условия приема на работу оказались в полной мере антигуманными. Несмотря на свое очень сильное желание, Петя сохранил малую толику осторожности. Он не сразу хотел переезжать. Он надеялся, что ему дадут возможность поработать временно. Испытать себя и работу. Он готов был бесплатно поработать... В нашем государстве существует испытательный срок работы - только для удобства администрации. В обратном направлении этот механизм не работает. От Пети потребовали, чтобы он сначала сжег за собой мосты, чтобы он сейчас же вернулся в Ленинград, выписался в домоуправлении и прописался бы здесь постоянно. Только после успешного завершения этих хлопот и затрат, директор изволит взять из его рук заявление /письменную просьбу/ о приеме на работу, если к тому времени у него настроение не изменится. И Петя все это проделал.

Теперь нищанские земли и скот принадлежат совхозу. Совсем недавно они принадлежали колхозу. Название переменяли. Это произошло не просто. И как раз в то время, когда нам в институте объясняли с педантичной наукообразностью преподаватели "закона божья", что с переходом от колхозов к совхозам спешить нельзя, что крестьянская психология изменяется медленно. Они все еще собственники, говорилось нам, хотя те счастливики, которым удавалось уйти из деревни, никогда своей доли собственности из колхоза не получали. И вот во время моих занятий в институте здесь, в деревне потомки крестьян сами требовали переменить название. Да еще как требовали. Даже милиционеров сюда присылали из районного центра присутствовать на собрании для устрашения населения. И не помогло. На слишком скользком месте оказалось правительство, что даже трусливые люди добились своего. Добились того, с переменной названия, что теперь, достигнув старости, они будут получать от государства хоть малую пенсию. Да и за работу будут получать хоть малую зарплату. Значит ко времени Петинского устройства в деревне дела местных жителей здесь улучшились.

Несколько слов о том, как жили здесь до перемены названия. Сейчас платят за работу деньгами, тогда начисляли трудодни. На трудодни, если и выдавали продукты, то так мало, что люди могли существовать только со своих огородов, которые никогда не достигали полугектара. Другой источник существования - свиньи и корова. Корову содержать очень трудно. До революции крестьянин добывал сено для своего скота на своих лугах. А если и случится такая беда, что своего сена чуточку не хватит, то недостающее сено можно было

накосить на лугу помещика исполу, т.е. половину себе, половину помещику. Теперь ВСЁ сено надо добывать на других условиях. Норма эта изменчива, но в Себежском районе она не удалялась существенно от одной десятой. Десятую тонну - тебе после того как девять ты заготовил колхозу или совхозу. За последние годы формула эта улучшилась, но до старого еще далеко.

Еще значительный источник корма для скота существует, но никогда не используется. После уборки зерновых культур комбайнами около одной трети зерна остается на поле, в колосьях и в мякине. Но собирать эти колосья и разбросанную по всему полю мякину /с зерном/ строго запрещено. Эта бессмысленная жестокость имеет мудрый философский смысл, она направлена против возбудителя опасных болезней, "вируса частнособственнической психологии". К слову, сам я не видел, но рассказывали, что здешний председатель колхоза поджигал по весне заросли малинника, чтобы колхозники в рабочую пору не увлекались сбором ягод.

Итак, Петя начал здесь работать после значительных изменений к лучшему. Прежде чем начать работать нужно было еще устроить пьянку для всех рабочих и начальников в Нище. Таков обычай, уверяли они Петю. Я уговаривал его не поддаваться давлению, но Петя опасался испортить отношения со здешним населением. Теперь все - активные любители пропивать чужие деньги, особенно начальники.

4

Почти все скромные Петины сбережения пропиты и Петя начал работать на скотном дворе. Зачислен он пастухом. Но сейчас еще нет в поле травы, и он убирает от коров навоз, самый свежий, по мере его производства. Я выполняю обязанности домохозяйки. Топлю печь,

готовлю еду, слишком скромную: своих сви-ней еще нет. Петя безропотно терпит все, и самый свежий навоз и самую тощую и грубую еду. Кроме домашней работы я занимаюсь еще ремонтом Петиной квартиры. В прошлом году в Нище достроили двухэтажный домишко для предполагавшихся рабочих совхоза. Дом этот почти пустует. Пете дали в этом доме квар-тиру. В теткиной халупке жить с семьей нель-зя: слишком тесна и ветха. Огород и сад у него будет здесь, около хатки, а квартира - там, за мостом. Здесь разрастается сад. Яблони постарше уже начинают давать урожай. Количество ягодных кустов мы довели до полу-сотни /крыжовник и сморода, черная и крас-ная/, а у тети Ньюши до нашего появления их было всего шесть кустов.

Какая надобность ремонтировать квартиру в доме, который выстроен только в прошлом го-ду и еще не был заселен даже на половину? Стены строили из кирпича, междуэтажные пе-рекрытия привезли готовые - железобетонные. Эти длинные плиты из железобетона валялись некоторое время на земле. В их внутренние продольные отверстия набралась вода, кото-рая там замерзла к тому времени, когда их клали на место. Когда лед растаял, то в по-толках оказался достаточный запас воды, что-бы все стены намокли и все обои сгнили. Раз-рушилась штукатурка и вокруг окон. Мы содра-ли обои, отковыряли часть штукатурки и за-менили ее новой. Все это мы делали вдвоем, пока Петя не принялся за работу. Теперь я это делаю один, а ему не часто удается даже выпасться нормально.

Расписание работы составлено так мудро, т.е. так путано, что трудно даже обнаружить ка-кие-либо повторения. То днем работает, то утром, то вечером. А промежутки между рабо-чими днями и ночами так коротки, что выс-пасться нормально не хватает времени. Когда

прошло десять дней, и мы подсчитали отработанные часы, то обнаружилась интересная картина. Директор совхоза в своей первой беседе проявил "незначительную" забывчивость. Сказавши о зароботке в сто рублей, он всего-навсего забыл сказать, что продолжительность рабочего дня при таком зароботке будет не 7-8 часов, а все 16. Даже нормальный сон не выкраивается. Ведь нужно еще одеться, раздеться, помыться, несколько раз в день поест.

Но Петя не сдается. Он перешел со скотного двора в так называемую полевую бригаду. Зароботки будут меньше, но больше свободного времени. Первый день он вместе с другим молодым человеком возил сено на лошади от стогов на скотный двор. Зароботали за весь день по сорок копеек. Второй день их опять послали на ту же работу. Еще раз - по сорок копеек. Вероятно эта работа была из числа самых невыгодных. Но это никого не оправдывает. Петя уже обратил внимание, как по утрам грызутся рабочие, чтобы получить более выгодную работу. Он чувствовал себя неспособным к ежедневной борьбе такого рода. Поэзия сельской жизни развеялась. Не запах цветов - вонь публичной уборной. Ужасно было это пробуждение для Пети. Вся его жизнь состоит из таких пробуждений.

5

1967 год.

Петя с жаром хватается за новую надежду. Ему кажется, что нам будет хоть чуточку спокойнее жить в любой из прибалтийских республик. Много мне пришлось поездить по Эстонии, Латвии, Литве, прежде чем нам удалось на свою комнату в Ленинграде выменять хорошую квартиру в городе Елгаве. Хоть от квартирных соседей отделались. Часть хлопот Петя взял на себя. Вещи перевез он.

Казалось, уже все люди с переездом. Но вот Петя приехал к нам в Ницу /время летнее/. "Что случилось?" - "Михайлова не уезжает из квартиры. Притворилась больной. Может быть, ее заставили подождать до новых распоряжений".

Пришлось мне опять собираться в путь. Взяли с собой ведро варенья. Нашлось и еще груза. Порожняком ходить не приходится. При посадке на автобус увидели милиционера. Подходил к нам, даже пытался заговорить. Как обычно, контролируют каждое наше передвижение. Может быть, готовится для нас какое-то "воспитательное мероприятие". Когда мы, очень усталые, появились в Себеже, к Пете сразу же стала привязываться "шпана". Сначала только двое.

- Что вам от него надо?!

- Да вот... я задаю вопрос, а он не отвечает.

До вокзала мы все же доехали благополучно. Но и они приехали туда.

- Выходи на улицу, а то здесь начнем бить.

Проходит час... другой. Их становится все больше. Их уже около десятка шныряют около нас. Их положение выгодное. При таком соотношении сил, да при отсутствии агрессивных намерений с нашей стороны, у них меньше причин для беспокойства. Но и они взвешивают степень опасности. "А он плотный!" - слышу я слова за своей спиной.

Их главарь отделился от своих. Подсел к нам поближе. Начал разговор. Хочется ему поиздеваться над нами. Я бросаю ему вопрос: "Кто вы такой?" - "Художник". - "Вы сексот. Вы не художник - вы сексот". Такое изобличение обычно обескураживает хулигана-актера. Обычно при этом появляется желание получить дополнительные инструкции о том, как действовать дальше. Так получилось и на этот раз. Он исчез больше чем на полчаса. Исчезли и его сообщники.

Скоро опять наши враги собрались в зале ожидания. Мы не могли понять: либо их главарь получил распоряжение только потрепать нам нервы, либо они нападут на нас, когда придет поезд, и мы с занятыми руками направимся к вагону.

На этот раз обошлось без кровопролития. А совсем недавно стены коридора нашей ленинградской квартиры были густо забрызганы кровью.

Ну а теперь — Михайлова, которая и не очень усердно притворяется больной, но не выезжает. Может быть, они просто хотели вывести меня из равновесия, как одну учительницу, которую нужно было отправить в психбольницу. Для этого ее издевательски бестактно закрыли на ключ в пустой комнате, чтобы она там вволю накричалась.

Михайлова — латышка. Небольшого роста, толстенная. Она не кажется молодой, но ее единственному сыну лет тринадцать. Возможно, ее старит полнота. Муж ее писатель, по ее словам. Развелся с ней. Она не работает и живет безбедно. Она плохая хозяйка дома, судя по квартире, но цепкий стяжатель, судя по ее прочим делам. Иждивенка по призванию: и с мужа сдерет и с государства сдерет, и что "положено" и что "неположено". В разговорах со мной демонстрирует чуть ли не антисоветские настроения. Говорила, как ей трудно было выдержать натиск властимущих и "подхалимов", которые, якобы, отговаривали ее от обмена жильем даже угрожали, и крепко угрожали, по ее словам. Когда она, наконец, увезла свои вещи, то в мусоре оказались следы библиотечных журналов, которыми пользуются только партийные пропагандисты, для остальных они нестерпимо скучны. Ее муж не жил в этой квартире после капитального ремонта.

Лето 1968 года.

Что-то незаметно, чтобы среди послевоенных латышей было меньше, чем среди послевоенных русских карьеристов, подхалимов, провокаторов КГБ. Причем русские подвергались опустошению и оглуплению дольше, чем латыши, значит латышам их поведение еще менее прощительно, чем русским. Внешне латыши менее противны, чем нынешние ленинградцы. Они одеты с большим вкусом, у них не все девушки слишком безобразно размалевывают себе губы, ресницы и синяки под глазами. От коренного ленинградского населения, которое славилось культурой поведения, почти ничего не осталось после сталинских чисток и войны. А понаехавшие туда провинциалы вообразили, что живя в столь прекрасном городе они должны быть разодеты и размалеваны по самому последнему слову моды. И все же, живя в Ленинграде /да и в Караганде/ мы отвыкли считать сдачу у кассы магазина. В Латвии считать нужно всегда, а зазеваешься, не только копеек, но и рубля недосчитаешься. Алчность велика. Общественная порядочность и благоустройство на низком уровне. В Елгаве водопроводная вода по цвету часто не отличается от густой навозной жижи, а по запаху и вкусу всегда отвратительна. Из всех городов, где нам пришлось пожить, Елгава - первый, где мы не можем есть кефир и простоквашу, так нечистоплотны производители этих продуктов.

Латыши более молчаливы в поездах. Мне это приятно. Но и латыш любит занять места побольше в вагоне, и не догадается убрать с сидения свой портфель, чтобы освободить место для человека, который рядом стоит. Эта неуживчивость и латышей и русских с каждым годом растет.

Нравится мне у латышей пониженное любопытство. Спросишь дорогу - даже сельский житель не будет тебе задавать вопросы, подобно русскому: "А к кому ж ты идешь? А где ты живешь?.." На полный допрос тянет русский. А не станешь отвечать - сердится. "У нас так не полагается. Можа ты шпиён". Собственную бестактность оправдывает интересами государства. Особенно в наших прославленных партизанских краях развита шпиономания до полного маразма мыслительных способностей. Разговаривают две женщины в автобусе:

- Встретился какой-то мужчина. Спрашивает меня, где Осынское озеро. Что за человек?.. И зачем ему Осынское озеро понадобилось? Я ему в другую сторону показала - пусть поищет.

И в Нице у нас идут обычные допросы: "А что ж Петя уехал? А что он не побыл? А чи приедет он опять?" И все это с таким наивным видом, с таким примитивным простодушием, что трудно настроиться враждебно к таким вопросам. А надо. Надо уже потому, что нам ничего рассказывать о себе не нужно. Даже уйти отсюда нужно тайком, чтобы не сразу и спохватились, чтобы не успели наши благодетели подготовить по дороге какое-нибудь "воспитательное мероприятие" опасный спектакль с участием "бывших моряков". Себежским кагебешникам моряки представляются самыми устрашающими забияками. Если в Себеже или в Идрице появились около нас хулиганы, называющие себя старыми моряками, то мы уже знаем, что это сексоты, и что привязываться они будут к нам с женой, а не к кому-либо другому. Повсеместная бестактность обычаев наших особенно заметна для тех, кто уже обжегся. Нельзя мириться со старой формой, когда содержание полностью изменилось. "Куда идешь?" - спрашивают при встрече. В старое время такой вопрос был выражением безобидного любо-

пытства или выражал неумение иначе начать разговор. "А как ты думаешь?" В старое время ответить на такой вопрос не представляло никакой опасности. Но не теперь, когда за "неправильные" мысли уничтожают людей.

7

Познакомимся с некоторыми из моих воспитателей в Нице. Здесь к человеку доступ более свободен, чем в городе. Прийти могут и без дела, зайти могут и без стука. Правда, у меня дверь в сенях отворяется с большим трудом и с большим шумом. Я не чиню ее умышленно. В Нице мы живем месяцев пять в году. Пробыть шесть месяцев рискованно, можно потерять право на проживание в городе. Жена моя превратилась в пенсионерку, а я навсегда потерял право на пенсию в связи с тем, что меня нигде в свое время не принимали на постоянную работу. Прирабатываю малость в зимнее время, позируя в художественных школах и институтах. Пока живем в Нице на своей картошке, бобах и ягодах, немного накапливается денег от пенсии жены /ее пенсия - 33 рубля/.

Ануфреевну, нашу соседку с восточной стороны, мы не отнесем к числу моих воспитателей. Вот она сейчас гоняется с палкой за своим петухом и кричит. Она уже стара. Живет одна. Только с курами и поругаться. Кричит своему петуху:

- Как я сказала, так и будет!

Для нас она удобнее других соседей. Ее куры у нас на огороде не ищут пропитания. Они сыты, да и держит она их больше взаперти, в прозрачном помещении, построенном ее сыном. Сын ее сообразительный мужчина, знает, что деревенский дом ему к старости понадобится; посещает мать несколько раз в году, и кое в чем помогает ей. Она получает всего восемь

рублей пенсию. Общаться с Ануфреевной не скучнее, чем с другими нашими соседями. В картишки она играть может, и допрос проведет не хуже любого другого.

Самый умный и развитый из всех нищанских жителей - это Петр Степанов /и его семья/. К числу крестьян он не относится: он моложе нас и работать по-крестьянски он не успел научиться, хотя его жена каким-то чудом приобрела трудолюбие, равное крестьянскому. Иногда он меня настойчиво приглашает к себе, прибавляя при этом: "Вы, ведь, ни к кому больше не заходите". Несколько раз я у него был. Даже о художниках-передвижниках он кое-что слышал. Бывший партизан из отряда Дуды. Был и в регулярных частях армии, в войсках государственной безопасности. В общем не скрывает, а может быть, и преувеличивает свою причастность к чекистам. Высокий. Черный. Взгляд немного загадочный.

Однажды пьяный /а трезвым его редко увидишь/ он увлекся и перешагнул границу осторожности. "Или я вас перевоспитаю или - вы меня" - заявил он мне. На что я ему сразу же ответил, что не считаю это возможным. "Я вас не хочу перевоспитывать, а вы меня не можете. Чем вы меня дойдете? Теорию... так называемую теорию марксизма я лучше вас знаю и вы бесильны изменить мое отношение к ней с минуса на плюс. А практику так называемого строительства коммунизма вы не можете мне преподнести в привлекательном виде. Вы лучше меня знаете, как плохо вы здесь хозяйничаете, а я лучше вас знаю, как плохо хозяйничают и в других местах. Хоть вы и коммунист, но лично вас я не считаю человеком, полностью утратившим совесть. Так вот, скажите, ваш совхоз приближается к коммунизму или удаляется от него?" Он молчал. "Вам с каждым годом все труднее прокормить скот, а площадь скошенных лугов с каждым годом уменьшается. Сколько здесь заливных лугов?.. Все заросли кустар-

ником или не все? Улитинские луга все заросли. А ниже по реке что делается. А туда даже я в молодости приезжал косить. Даже лопатинцам тут у реки был выделен кусочек..." "Рабочих не хватает," - отвечал он уныло. "Безлюдье, - сказал я, - как в Римской империи накануне ее гибели." Мой воспитатель стал уговаривать, чтобы я принял участие в выборах хотя бы для него лично. "Мне поручили... Что вам стоит?" - "Вот те раз! Что мне стоит? Ваши выборы я считаю издевательством над избирателями. Я согласен подвергнуть себя такому унижению, но при одном условии... если вы дадите мне обещание." - "Какое?" - "Бросить пить, - сказал я, оглядываясь на его жену и дочь, присутствовавших при этом. - Что вам стоит? Для меня лично..." Как отрезало. Больше он ко мне не обращался с приглашениями на выборы.

- - - - -

Однако такой откровенный воспитатель встретился мне только один раз. Очень важно уметь их распознавать.

Становясь сексотом, человек почти всегда делается нахальнее. Чувство правового превосходства над другим в чем-нибудь да скажется.

Он торопится. Он идет к цели, ему нужно отчитываться, а времени на долгую игру обычно не хватает, да и боязно упустить благоприятное обстоятельство. Но он может и нарочно замедлить свои действия. Но и в том и в другом случае он актер, он играет. При хорошей наблюдательности игру отличишь от естественного поведения.

Программа действий и слов сексота тоже выдаст его, если ты уже его знаешь.

Под жестоким давлением /не скупятся/ сексотом у нас может стать всякий за очень редким исключением: твой вчерашний друг, твой род-

ственник, член твоей семьи. И это для многих из них путь не к легкой, а к мучительной жизни, иногда к соучастию в гнусных преступлениях, с риском быть уничтоженным в качестве нежеланного свидетеля.

8

Познакомимся теперь с нашими соседями с западной стороны. Не пугайтесь, всего только две семьи переселенцев. Раньше они жили ближе к Москве, где-то около великих Лук. Значит есть места, где и похуже, чем в Нице живут. Ближе к нам живет Хилип, дальше - Хвидосей. Не в почете у многих русских людей звук Ф. Хилип вместо Хвилип - это уже полдороги к литературному произношению. Мы начнем с Хвидосея и Хвидосеихи. Они переселились в Ницу раньше Хилипа, сразу же после войны. Хвидосей - третий калач, отбывший значительный срок заключения в лагерях, говорят, за убийство. Был в Нице председателем колхоза /почти все мужчины попробовали этой должности/, пока не сняли с работы по той же причине, что и всех остальных, за то, что пропивал колхозное имущество. На общем собрании колхозников его приговорили к такому наказанию: не уходить из колхоза, до старости работать рядовым рабочим. Пенсию он впоследствии получил хорошую /если сравнивать ее не с городскими пенсиями/. У крестьян в старое время сообразительность проявлялась только на своей пашне: "что посеешь - то и пожнешь". Их потомков научили соображать иначе: пусть сеет кто хочет, а я постараюсь пожать. Соревнование теперь происходит не на поле, а дома: у кого выпивка и закуска для начальства будет приятнее. Тут не скупись, тогда и будешь пожинать... выгодную работу и хорошую пенсию. Техника получения пенсии такова. Работают оба супруга, а записывают всю работу на одного, на того, кому раньше выходить на пенсию. Удваивается заработок - удваивается и

пенсия. После этого первая половина, уже получившая пенсию, помогает удвоить пенсию и второй половине. А еще дальше, обе половины успокаиваются и стараются на полях совхоза больше не показываться. Разрушительная пересадка на другой поезд: от переутомления, регулярного - к безделью, но не регулярному. А Хвидосею больше, чем кому другому, было бы полезно не сразу прекращать обычную работу. Телом не обижен, повыше среднего вверх и явно выше среднего вширь. Иногда кажется почти красивым. Но вот Хвидосеиха совсем плохо выглядеть стала: одутловатость, цвет кожи болезненный. Нездоров образ жизни у них. Деятельность нерегулярна - все рывки. Весной рывок: картошку запахать на своем огороде. Осенью рывок: картошку убрать на своем огороде. В остальное время - "все болит".

Лошадей в совхозе совсем мало, и нет лошади отдыха, когда ее приводят для работы на огородах. Тут она хорошо чувствует, что она всем чужая, что люди - эгоисты. Хотя первую вспашку на огородах делают трактором, но для посадки пользуются лошадью. Получивши лошадь все соседи стараются поскорее довести до конца всю свою посадку. По Сеньке и шапка. Оставшиеся в живых лошади так же не похожи на своих предков, как нынешние деревенские жители -

не похожи на крестьян. Другое воспитание. Раньше лошадь с хозяином были друзьями. Нашей Буланке бывало не только кнута не требуется, даже прикрикивать на нее нет надобности. Сама все время бежит рысцей, если груза нет /два-три седока для нее - ничто/. А если с грузом в гору - сама торопится чуть не бежит, чтобы воз не потерял инерции движения. Теперь лошадь в упряжке и шагом идти не хочет, если не погонять-остановится. Нынешняя лошадь тоже соображает, но по-иному. Попробуй выйти из саней для того, чтобы выломать хворостину погонять ее - уйдет не догонишь.

Мы в нашем маленьком хозяйстве лошадьми не пользуемся. Услугами соседей - тоже. Картошку выращиваем с помощью лопаты. Проявляем изобретательность, чтобы работа наша шла не рывками, а по возможности равномерно все лето. Наша независимость не нравится... Не нравится и то, что мы сильно сократили площадь под картошку, и у нас остается время для творческой работы.

9

Но мы ушли от Хвидосея. Мужик он грамотный. В газеты заглядывает, и может проклинать Никсона или кого другого за их поездки в Китай. Все наши встречи в бане пытается превратить в политические дискуссии для моего перевоспитания. Это ведь легче, чем воздержаться от выпивки за счет колхоза, когда тебя выбрали председателем. Наше присутствие в Нише позволило не одному Хвидосею самым легким способом продемонстрировать свою благонадежность. Вот и продавщица в магазинчике расписывает в присутствии моей жены, как плохо жилось ее матери в старое время и как бы хорошо она жила сейчас. "Теперь бы зарабатывала больше сотни, и ходила бы так, что на ней все шуршало бы". На матери шуршало бы, а на дочери не шуршит. Мать получала бы больше сотни, а дочь довольствуется любой половиной этого. Даже это можно забыть в плену пропагандистского увлечения.

Ближе всех от нашей избышки живет теперь Хилип. Свой дом он построил за лето 1963 года. Он родной брат Хвидосеихи, и Хвидосей теперь не чувствует себя одиноким среди недружелюбных соседей. Хилип многодетный: три сына, две дочери. Впрочем, как у самого Хвидосея дети расползлись по городам, так и Хилиповы дети стремятся к тому же. Первое время Хилип вызывал у меня сочувствие. Он не из тех, кто "умеет жить". Такого председателем колхоза не выбирают: скромнее других, внеш-

ность незаметная. Посмотришь в бане - худенький, да и ростом не дотянул до среднего, а работать надо много. Привычка к регулярной работе делает чудеса. Вот и Васька, сосед, тощенький, хоть и высокий, а поди-ка помахай рядом с ним косой, если ты не втянут в мускульную работу. Катька, жена Хилипа подобно мужу невысокая, но толстая. Лицо добродушно-примитивное. В молодости была красива. Нарожала кучу детей. Теперь это старомодно даже в деревне. Как она их воспитывала, лучше всего охарактеризовал сам Хилип:

- Хуже нет - маленькому: ты хочешь пить - тебя кормят, ты хочешь есть - тебе пустышку суют, ты спать хочешь - тебя трясут трулюлюкают.

Катька ленива и почти неряшлива. От их дома далеко пахнет. Но все же себя и свою семью она способна обслужить, хоть не красно. А вот дочь ее Валька /которая постарше/, та и на это не будет способна. Той совесть позволяет на полях совхоза при одинаковой плате только один раз нагнуться за то время, пока другие успеют это сделать три раза. Так как и другие не торопятся, то ее движения можно признать почти виртуозными в своем роде.

- Когда она была девчонкой, я думал, что из нее получится аппетитный шашлычок, а вот она уже превращается в толстую бабищу, - сказал о ней несколько позже один из нищанских мужчин.

И при таком уважении к своей лени эта Валька способна была почти целый день отстоять около мужчин, которые ремонтировали трактор у нашего огорода, которым было не до нее, которым она не нравилась. Так, на всякий случай: может быть и обратят, наконец, внимание. Позже она под видом любовных свиданий караулила по ночам у нашего огорода, чтобы мы не ушли из Нищи без ведома КГБ. Тут уж скорее ему надоест, чем ей.

Новые мечты у Пети. Если они осуществляются, он будет счастлив. С ним недавно познакомились работники редакции, и обещают ему место штатного фотографа в редакции елгавской газеты "Дабра узвара". Ему остается только уволиться с работы. Сейчас он работает при почте. Ремонтирует телефоны-автоматы. Зарплата в этой организации скромненькая, но он уже достиг высшего разряда. Он уже мечтает о каком-то усовершенствовании... изобретении. Жалко терять эту работу. Мы с Люсей почти уверены, что он не получит обещанного места в редакции, что эти люди из редакции - сексоты. Но как убедить Петю? Как ему отказаться от заманчивого будущего - работать по призванию? Он любит это дело и достиг уже значительного умения. Его фото время от времени публикуются в елгавской газете. Неужели родители правы? Надо дерзать. Он уволился. Добрые люди из редакции пропили все деньги, которые он получил при увольнении, и оставили его без работы, невзирая на то, что у него двое детей. Когда мы после этого опять приехали в Елгаву, старший внук /четырёх лет/ уже знал, что делать, когда нечего есть. И бабушку поучал:

- Есть хочешь? Выпей водички и пойдем гулять. Может быть бутылку найдем.

Увольняли с работы родителей этих несчастных детей и позже, разными другими способами. Такая жизнь продолжалась пять лет. Какое будущее ждет этих детей?

1972 год. Идем вдвоем с Люсей в Ницу. Тяжело. Вещи кажутся тяжелее, когда не уверен, что именно сюда их надо нести. Удивительно! Собираясь в дорогу, берешь только самое-самое необходимое, а рюкзаки и сумки всегда тяжелы.

Пишущую машинку с запасом бумаги все время приходится таскать с собой... несколько книг. И дорога кажется длинее /9 км пешком/, потому что нет уверенности, что не придется идти обратно. Цела ли избушка? Будет ли в этом году здесь атаковать нас милиция? И как?

Моя верная подруга шагает рядом со мной. Под грузом не горбится. И как я, она готова на время отодвинуть заботы и тревоги о будущем ради того, чтобы летние месяцы отдать творческой работе. Хочу писать повесть, которая уже созрела в моей голове. После каждой остановки на отдых Люся спорит со мной из-за вещей; не с тем, чтобы освободиться от лишней тяжести, а о том, чтобы мне облегчить ношу. Давно, будучи девушкой, она мечтала о профессии геолога. Непоседливая жизнь тогда ей казалась привлекательной. Теперь она слишком беспощадно пресыщена переменами и дорожными тяготами. Теперь нам приходится скорбеть, что даже для вещей у нас нет надежного места. Теперь мы еще более одиноки, чем прежде. Из-за нашего присутствия в этом месте уродуется жизнь других.

Впрочем, силы наши прибывают, когда мы шагаем по деревенским дорогам, среди зеленых друзей.

Мы пришли. Изгородь вокруг нашего огорода исчезла. И жерди не валяются на ее месте. Все унесено дочиستا, чтобы при восстановлении изгороди я не мог воспользоваться старым материалом. Из полусотни наших ягодных кустов осталось только пять, самых старых. Уборной нет. Яблони изуродованы: лучшие сучья обломаны. Труба избушки доверху заполнена землей вперемешку с сучьями. А внизу видим неиспользованные остатки этого материала. Вместо того, чтобы сразу затопить печь, нам приходится несколько часов возиться с очисткой трубы. На крыше ветер кажется достаточно прохладным после тяжелой дороги.

Больше других здесь потрудились семья Хилипа. Он, бедняга, получил очень маленькую пенсию. Ему и его жене зачли в стаж только время их работы в Нице, и не зачли всю их работу на родине /до переселения/. Писали они жалобы. И отовсюду получили подтверждения, что пенсия им начислена правильно, что они — "летуны" и должны быть по заслугам наказаны. Есть в Нице и еще более эффектный случай. Не смогли ужиться в одной избе с родственницей, переселилась одна женщина в Ницу из Красюков. Километра четыре между этими деревнями. В связи с этим она оказалась в другом совхозе. И весь ее прежний стаж работы не был ей зачтен по закону, который держится в секрете от населения. Она получила пенсию 11 рублей в месяц. "Что тебе этот бедный народ!" тому, кто получает персональные пенсии. Теперь Хилип надеется, что за его сексотское усердие с ним расплатятся нашим же имуществом. Уверяет соседей, что ему "нарежут" наш сад, когда нас отсюда выживут.

12

Можно плюнуть на то, что коровы ходят вокруг яблонь. Пусть это больше смущает пастухов, чем нас. Но разумно ли в нашем положении пренебречь тем, что обветшавшая крыша на избушке может и с самой малой помощью соседей в любой день открыть для дождей значительную часть потолка. Я чувствую, как мое "имение" одним только видом своим ослабляет мое здоровье, подчеркивая наше бессилие. Может быть, и не нужно ничего делать, но и для этого необходимо принять твердое решение и покончить с мучительным взвешиванием.

Идем по берегу реки. Рубим на болоте жерди и столбы для изгороди. Стаскиваем все это в реку и связавши веревкой, тащим вслед за лодкой домой, как можно ближе к своему огороду. Разумеется, на это уходит несколько дней. Несколько дней у нас уходит на очистку

кору. И через двадцать дней стоит новая изгородь вокруг всего огорода. В этом отношении наш огород на невыгодном месте: изгородь нужна со всех сторон. По возрасту и по привычке к мускульной работе торопиться нам нельзя: ни спина, ни руки... не должны у нас болеть. Мы должны на всякий случай всегда быть в боеспособном состоянии. После этого мы несколько дней ходим жать тростник для крыши по берегам реки. Ух, и жарища! Купаемся, вспоминаем молодость. Мы ведь оба неплохо плаваем. В какие только воды нам не приходилось погружать наши тела. Но эта маленькая река — особенная, загадочная, со своим очень ленивым течением и значительной глубиной. Протекает она здесь по заливным лугам, которые теперь густо заросли кустарником. Оба берега низки, но высок зеленый барьер у самой воды, из травы и тростника.

Тяжелое для нас лето. Очень жаркое и засушливое. Работы очень много. После крыши делаем новые стены в сенях и дверь /из старья/. По мере того, как работа убывает, у нас прибывает бодрости и самоуверенности.

Только к осени наше хозяйство приведено в хорошее состояние. Чувствуем себя молодцами, хотя для того, чтобы писать повесть не осталось времени. В середине сентября из Ленинграда, куда уехал на время Петя с семьей, получаем телеграмму: "Петя с Галей ушли к знакомым неделю назад. До сих пор не вернулись".

Через полмесяца выяснилось, что их держали 15 суток под арестом за то, что /по их словам/ они побеседовали на улице с иностранцами, а после чего не сумели достаточно угодливо объяснить по этому поводу с милиционерами.

1973 год

Сидим вечером на скамейке у избушки. Идут домой коровы. Здесь проходят два стада. В большом стаде около сотни коров. Это коровы совхоза. Маленькое стадо - это личная собственность здешних жителей. Тут и корова Петра и корова "учителки", секретаря партийной организации. Посмотрите, какое вымя у каждой. Такого вымени ни у одной коровы из большого стада вы не найдете. В большом стаде слишком явно неполноценный скот. Около трети коров - яловые. Зато бегают шустро. Пастуха близко не подпускают с его страшным кнутом и отборной матерщиной. Коровы жадно хватают траву у изгородей и особенно жадно окружают любую лужицу. Пастух не останавливается ради такой прихоти коров. - У-у-у!.. сволочи... отродясь воды не видели!

Коровы жадно пьют, обращая внимание не столько на его раздраженный голос, сколько на расстояние, которое отделяет их от него. Бегом, бегом через всю деревню.

Вечером Люся приходит за молоком к Польке, которая иногда рассказывает, как она мучилась во время войны с пятью детьми. "Никому не нужна... и партизаны гнали от себя". Однако же немцы не дали погибнуть голодной смертью. "Привезли меня с ребятами в Литву. Там хуторяне всех наших взяли на работу, а меня не берут с ребятами. Тогда немцы отвезли меня к одному толстому капиталисту, сказали чтоб взял. Плохо нас кормил он... три литра молока на всех... настоящий капиталист, американский". Так и сказала: "настоящий капиталист, американский". Пока работала у "американского капиталиста", все дети были живы, а когда вернулась к Титовичу - двоих похоронила.

Поразительно это дикое невежество, агрессивное невежество нашего населения, лишенного правдивой информации. В Ленинграде нас совсем недавно уверяла молодая женщина со средним образованием /!/, что ходят слухи /и сама она верила/, что стали воровать грудных детей.

- Зачем?

- А кровь из них выкачивают.

- Для чего?

- В Америку увозят.

С поразительной наивностью многие ничуть не сомневаются в том, что все скверное течет к нам с Запада, все уродства и в искусствах и в модах, вплоть до порнографии - все оттуда. Значит - выше железный занавес!

А у нас все хорошо. Только что это за крик истощный доносится от моста? Это утопился пьяный мужчина, еще молодой. Покончил самоубийством. Хотел и пасынка заодно утопить, да тому удалось вырваться. Этот мужчина жил с очередной женой, как живут теперь многие из тех, которые заботятся не о детях, а о возможности ежедневной выпивки. Русские после войны стихийно нашли самую худшую форму многоженства и многомужества. Через несколько месяцев вблизи от этого же моста забрел в воду и утонул другой пьяный, здешний уважаемый ветеринар Романовский, коммунист, один из наших воспитателей /приходил с угрозами/.

А у нас все хорошо. Польша /пенсионерка/ каждый день очень переутомляется. Сын с женой /работают на скотном дворе/ привыкли к тому, что всю домашнюю работу выполняет мать, да еще сено сушит для совхоза наравне с ними летом. И никто не думает о том, что матери нужно помогать. Верке, ее внучке, лет 13. По старым временам она уже все умела бы де-

лать ловчее своей бабушки. Но в новой деревне она работать не хочет. Это главный признак времени. У некоторых деревенских школьниц — маникюр. Сережка, внук Польки лет девяти, в старое время уже многое мог бы делать, и без напоминаний. Советский Сережка весь длинный летний день томится от скуки, но только фыркает презрительно, когда ему скажешь, что нужно помочь бабушке.

Так кто же страшнее, "американский капиталист" или собственные дети и внуки? Страшны эти жалкие остатки деревни после сталинских чисток, выполненных Титовичами и партизанами.

И уж конечно, ничего не делают внуки, у которых родители живут в городе, внуки, которые проводят здесь лето в качестве гостей. Хотя некоторые из этих гостей уже выше ростом своих "предков". "Предки" рады уж и тому, если их скучающих потомков нет дома. Для крестьянина такое поведение молодежи показалось бы непостижимым. Что касается автора этих очерков, то я в нынешней молодежи вижу самый верный признак самой близкой гибели народа.

14

Наша квартира, в которую мы переехали из Ленинграда, понадобилась детской поликлинике /весь этаж им понадобился/. И нас оттуда выселили зимой в начале 1974 года. Вместо одной большой квартиры мы получили две, и разъехались с Петей. Все это сделалось очень нелегко для нас. Но я не буду это изображать.

Я многое пропустил из самых отвратительных событий своей жизни. Если я, по понятиям моих "воспитателей", заслужил непрерывное наказание, то читатель этого не заслужил. Десятой доли того, что пережили мы с Люсей,

хватит для того, чтобы читатель усомнился в правдивости моего рассказа, даже если выбирать только самые правдоподобные свидетельства преступной неразумности нашего правительства.

Приблизительно в начале 1975 года Петя стал поговаривать со мной о своем проекте наладить кустарное производство гипсовых копий мелких скульптурных произведений. Я ему не советовал приниматься за это, во-первых, дело слишком громоздкое: требует помещения и сложное: много надо потратить времени, чтобы овладеть им; во-вторых, покупателей будет мало - не оправдать предварительных больших затрат; в-третьих, "если ты будешь работать кустарем, то твоя зависимость от государства не уменьшится, а увеличится. Трудно получить разрешение. И после разрешения они в любое время могут прекратить твое производство и торговлю: налогом задавят или административными придирками".

Петя особенно рьяно возражал насчет покупателей. Так уверяли его ленинградские "друзья". Что я мог противопоставить этим уверениям. В Караганде я был свидетелем крушения подобной попытки, но там за дело взялся пачкун; качество отливок было низкое. Глядя на образцы "ходкой" продукции, которую Петя привез из Ленинграда, я думал: "Что будет, если Петя добьется хорошего качества отливоков?" Думаю и... не понимаю. Я не понимаю покупателей этих ходких произведений, если они действительно есть. У меня за несколько минут созерцания на целый день пропадает охота жить. После тяжелого вздоха я рассказал Пете как однажды, в тяжелые для себя дни, я выставил в комиссионном магазине две картины. Одну я написал с натуры, другую скопировал с хорошего левитановского пейзажа. Цену заведующий магазином назначил оскорбительно маленькую. Раз в пятнадцать меньше

той, которую берут художественные организации с организаций-заказчиков. Когда я обиделся, заведующий магазином меня успокоил, что и за эту цену никто не купит. И действительно, никто не купил.

- Разве что кагебешники будут у тебя покупать, чтобы опровергнуть мои утверждения, - закончил я шуткой. - Рисковать так крупно я тебе не советую.

Но Петя рискнул и крупно рискнул. Я не ожидал от него такого упорства и именно в такой области деятельности, которую я считал мало свойственной его характеру. Много труда он потратил на быстрое освоение новой профессии и очень высокого качества отливок добился. С хорошим вкусом окрашивал отливки. Правда качество Галиной работы, видимо, часто его раздражало. Но зато она торговала успешно и все административные хлопоты взяла на себя. С помощью неведомых мне покупателей дело пошло. Мои призывы к осторожности были посрамлены. Позже они купили старенький автомобиль. Но не на пользу Пете пошли заработанные на этом деньги. Но об этом позже.

МОЙ ЧЕТВЕРТЫЙ АРЕСТ

1

Осенью 1975 года меня посетил в Нице себежский прокурор. Приехал сам после того, как я на первый и повторный вызов в Себеж не пошел. Не логично было делать 30 км. туда и столько же обратно только для того, чтобы отказаться разговаривать. Посидели на скамье около избушки. На его вопросы я не отвечал. Но он все же пытался делать мне внушение.

- Разве ничего у нас нет хорошего о чем можно было бы написать?

За этими словами появились в памяти другие. Вспомнил, как декан одного из факультетов педагогического института говорил своим подопечным студентам: "Как хотите хитрите, как хотите выкручивайтесь, а чтобы "увязка с современностью" /т.е. похвала партии-правительству/ у вас была на каждом уроке."

Это посещение я счел за признак близкого ареста. И не ошибся. Пора! Иначе может нарушиться ритм моей жизни /1935-1949-1961-1975/.

Уже за несколько дней до ухода из Ниши /из любого места/ появляется раздражительность, сосет тоска, закрадываются сомнения, что ты все успеешь сделать и ни в чем не ошибешься. Эти чувства обычно не сильны, если ты их крепко встречаешь. Но если будешь отступать, то скоро падешь под их власть, ведь они не твои союзники. Обычно торопишься закончить очередное произведение. Торопишься зарыть его в землю, и так, чтобы не дать след собаке-ищейке /был и такой промах/. Укладывая вещи в дорогу всегда имеешь ввиду возможность обыска в милиции: может состояться нападение каких-нибудь "бывших моряков".

Невозможно передать читателю вкус того мучительного чувства, когда охотятся за твоим произведением. Когда ты окружен... И не тело твоё возбуждает аппетит преследователей, а душу твою хотят уничтожить, то лучшее, что ты сделал для других. Ты весь - возмущение. Ты не признаешь их права. Их глупость и трусость не дает им этого права, но в их глазах, не они преступники, а я.

Вспоминаю, как особо неприятный случай свою поездку в Москву в 1970 году... На остановках из соседних вагонов /сзади и спереди/ высовывались пять голов лицом в мою сторону. Один стоит на площадке рядом со мной. Как мне от них отделаться? За моей беспечной маской идет напряженная работа. Сегодня они наг-

лее обычного, значит не исключена возможность ареста. Я подразниваю того, который — со мной на площадке. Во время остановки поезда я делаю мнимую попытку сойти с поезда. Он торопится вслед за мной. Тогда я так же быстро возвращаюсь обратно. Он вынужден делать то же самое. На следующей остановке проделываем оба еще раз все это. Но хватит, не в моих интересах подогревать его азарт. Я ухожу в вагон и, полузакрыв глаза, улыбаюсь. На той станции, где мне предстояло на другой поезд, я зашел на почту, усиленно оглядываясь так, чтобы это видели. Там я послал письмо жене. В письме высмеивал своих преследователей и говорил, что я доволен хоть тем, что причиняю столько хлопот государству. После посадки я уже не видел своих тайных конвоиров. Можно предположить, что письмо было срочно прочтено и, по моему насмешливому настроению, сделано заключение, что рукописей при мне нет. Задержание откладывалось.

2

Оно произошло теперь, в 1975 году 20 ноября. Ордер на арест был оформлен после задержания. Взяли меня из квартиры без обыска. В предъявленном мне обвинении не было даже упоминания о моих произведениях. Так хотели подчеркнуть свое мнимое пренебрежение к моему творчеству. В папке были подшиты только мои письма и заявления. На первом месте было одно из последних моих заявлений с просьбой отпустить меня из СССР. В эту папку я заглянул, но разговаривать, особенно подписывать что-либо, отказался. По их бумагам, меня задержали потому, что я уклоняюсь от следствия. А где доказательство этого уклонения? А вот: я никого не пускаю к себе в квартиру. Поясняю. За два последних года, пока мы живем на новом месте /улица Кр.Барона, 5, 13/ к нам не приходили представители карательных органов вла-

сти ни с какими официальными претензиями. Значит, косвенно, они признали своим представителем того хулигана /вряд ли он был один/ который недавно два дня подряд беспокоил нас по утрам продолжительным стуком в дверь. Когда было спрошено через дверь: "Кто стучит и что надо?" в ответ послышалось невнятное бормотание под пьяного. Этот "пьяный" продемонстрировал большую наглость. Он не только стучал. Он открыл нашу дверь своим ключом, предварительно вытолкнув наш ключ из замочной скважины. Войти он не мог, потому что кроме замка наша дверь имеет еще потайной запор. Так вот, эти действия своего представителя /других не было/ они считают законными, а наши действия /не открывать дверь по требованию любого забулдыги/ считают настолько беззаконным, что сделали их, в своих бумагах, причиной моего задержания.

Когда мне в елгавской милиции предложили выложить на стол все содержимое карманов, я потребовал законных оснований для обыска, подчеркивая, что ордера на арест я еще не видел. Мне ответили насильем, обыскивая с подчеркнутой грубостью. После обыска и кое-каких изъятий, меня отвели в тюремную камеру. Хлеб и сахар, что я взял с собой из дома, отнял милиционер.

- Пусть посидит не евши - поумнеет.

Однако другой милиционер, менее злой, решил, что мне не обязательно умнеть, и вернул мне отнятые продукты.

В тесной и темной камере, без окон, на голом полу лежали два молодых человека, арестованных за насильственное изнасилование девушки. Для того, чтобы совершить это преступление они выдали себя за дружинников "арестовали" девушку, которая прогуливалась около гостиницы, и отвели ее, куда им было нужно. Все граждане СССР если они еще не побывали в тюрьме, не имеют ни

малейшего понятия, как и эта девушка, о том, кто может арестовать или задержать, по какой причине, при каких обстоятельствах, и какие документы он обязан предъявить при этом. Люди, которые знают это и требуют, чтобы обращение с ними соответствовало законам, вызывают ненависть у блюстителей этих законов. Для них недостаток покорности — самое тяжкое преступление. Я сравнил на досуге своих соседей, этих мнимых дружинников с настоящими. Вспомнил, как уговаривал один комсомолец другого:

- Валера, что ты придуриваешься? Иди в дружину... понимаешь... набьешь кому-нибудь морду — и прав будешь.

3

Очень жесток пол под боками. Постельных принадлежностей — никаких. А если тебя захватили без теплой одежды, то и мерзнуть будешь жестоко. В уборную выпускают два раза в сутки. На ночь, правда, ставят "парашу" после просьбы моих соседей. Это очень беспокойное и унижительное чувство, когда хочешь в уборную и когда знаешь, что удовлетворение этой потребности не от тебя зависит. На другой день после ареста заключенному дают рацион: полкило хлеба и одну миску супа в день, без мяса или рыбы. Два раза в день — по одной кружке горячей воды. Слабый электрический свет. Очень темные стены кажутся светлее от густого табачного дыма. Очень душно. Вентилятор включают редко.

Лишение свободы в нашем государстве автоматически ведт за собой много других лишений и, прежде всего, лишение всех человеческих прав. Вам постоянно подчеркивают свое неуважение, а при случае и необязательность соблюдать вашу телесную целостность. Избитого и поколоченного могут и выпустить, если он окажется ненужным больше. И справки не дадут, что он был задержан милицией.

- Будьте вы прокляты, иуды! - сказал на комиссии в ленинградской психбольнице один больной /не психической болезнью/. Несмотря на это его выписали из тюремной больницы. Выписали только потому, что знали, он скоро умрет. Пусть умирают у родственников. Дешевле обойдется для государства, и для статистики лучше.

На мои претензии прокурор отвечает: "Здесь не курорт". Все тюремщики так отвечают. И многим это кажется логичным.

Роль следователя выполняет заместитель прокурора. Гутманис А.К. Через несколько дней после моего отказа разговаривать с ним, он вызвал меня второй раз. Теперь он мне объявил, что на моей квартире был произведен обыск. Были найдены все мои рукописи. Он начал допрашивать. Я опять отказался разговаривать. Точнее сказать, я не отвечал на вопросы, но не молчал в буквальном смысле. Я выяснил, что забрали у меня при обыске. Высказал свое возмущение. Второй арест без Сталина и вторую пишущую машинку забрали - грабеж. Назвал нелогичным обвинение в клевете человека, который сам свою "клевету" считает правдой. "Жертва неправдою не вызывается" - напомнил я ему слова Некрасова.

В нашу камеру подбросили еще двоих. Один из них крепкий молодчик лет тридцати. Он ведет себя агрессивно по отношению ко мне. Провоцирует на ответную грубость. Он приятельски знаком с двумя молодыми людьми, о которых я сказал уже несколько слов. В случае нападения минимум трое будут моими активными противниками. Но я весьма искусно избегаю острых углов, однако без того, чтобы меня посчитали трусом. Я не стал с ним разговаривать, когда он после грубости начал задавать мне первые вопросы. Я нарушил молчание, только когда убедился, что он обмяк, что агрессивный заряд выдохся.

Но у меня появляется еще один враг - это мое собственное тело, стареющее тело с излишне скромной упитанностью. Для такого тела несносно многосуточное лежание на полу без подстилки. Ходить почти нет возможности из-за тесноты.

Только оформили мой арест официально, как я узнал, что арестован и Петя. Через дверь мы обменялись несколькими словами. Вот что произошло. На другой день после моего ареста он наклеил на стекла наружных рам своей квартиры крамольные слова: "Свобода! Справедливость! Долой насилие!" Дверь выломана. Наружные рамы увезены в милицию, как вещественное доказательство преступления. Все это было для меня неожиданностью. "Шьют хулиганство," - слышу я из-за двери.

4

Все уже спят, а я мучаюсь. Тело превратилось в некий инструмент, вырабатывающий незаурядное богатство ощущений. Особенно беспокоит одно, которое трудно выразить словами. Хуже всего, что оно не поддается самовнушению, превращая его в желание. Однако мои усилия остаются бесполезными. Они даже увеличивают мучительные токи тела. Еще! Еще изо всех сил! И наконец, чудо произошло. Я избавился от этих ощущений, и не на одну ночь на много месяцев вперед.

А враги ждут, когда я начну поднимать руки. Дежурный милиционер участливо спросил, не болит ли у меня голова от духоты. Говорит, что он может вызвать врача-психиатра. Я ни на что не жалуюсь. Однако меня везут в психбольницу города Елгавы. Это не маленькая больница.

В кабинете несколько врачей и заместитель прокурора Гутманис. Врач-мужчина изъявляет желание поговорить со мной. Я отвечаю, что разговаривать нам не о чем. Добавляю, что

советская психиатрия уже успела опозориться на весь мир. Женщина-латышка, не по уму усердная, все же попыталась задавать мне вопросы, настолько примитивные, что и коллеги ее не были довольными. После длинной паузы я четким голосом произнес:

- Рассчитывали, что я буду искать у вас прибежища. Однако ошиблись. Я не симулянт. Я здоров психически, и желаю нести полную ответственность за любые свои поступки. Мне ваши услуги не нужны. А какие ваши услуги нужны государству об этом спросите у прокурора. Он перед вами.

На другой день меня увезли в Ригу. В приемной "следственного изолятора" Риги за большим столом - много тюремщиков в шинелях. Мы проходим мимо стола и идем в одну из камер. Дорогу указывают ударами по спине, стоящие на пути нашего следования тюремщики. К концу пути я заметил, что бьют меня одного. Спешу уточнить. Это битье было унижительным, но не вредным для здоровья. Видимо, меня хотели спровоцировать на ответный удар или хотя бы на словесный протест, чтобы избить уже с ущербом для здоровья, а заодно отправить в психбольницу. В рижской тюрьме особенно усердствуют в демонстрации грубости с заключенными. Всегда есть охота подчеркнуть бесправие и незащитность "взятых в плен без боя". А "взятые в плен без боя" еще и не признаны официально преступниками. Еще идет следствие.

Все эти унижения прошел и тот, умный и честный латыш, сельский житель, который попал в тюрьму после страшного несчастья. Погиб его любимый сын, который дружил с отцом так, как теперь уже не дружат. Вдвоем с сыном они охотились в лесу. Фэшили обменяться ружьями и сделали это недостаточно осторожно. Неосторожность проявил сын. Взяв от отца ружье, он потянул его дулом на себя и задел гашеткой за

какой-то сучек. И вот, его родственники, потерявши одного, потеряли и другого. К смерти одного прибавили муки и унижения другого. После ряда месяцев в этой тюрьме ему дали наказание, хоть и маленькое. Советских юристов больше устраивает нерешительное наказание, чем решительное оправдание. Год "химии" ему дали. Срок, пожалуй, достаточный, чтобы в безнравственной, агрессивной среде он научился не только пить и курить. Получай через год обратно патриархальная семья "перевоспитанного" старика.

5

После бани и разных врачебных уколов меня впустили в камеру. Держа под мышкой очень неудобную ношу /матрас и кое-какие другие вещи/ я оказался в сером дымном вместилище. С двух сторон двухэтажные нары. В дымной тесноте копошится угрюмая людская масса. Серые небритые и равнодушно-недоброжелательные лица. Серый грязный пол. Не успел я справиться с первым впечатлением, как в мою сторону летят злые слова старосты:

- А где ваше "здравствуйте"? - И сразу же посыпались угрозы в несколько голосов, сдобренные самыми погаными словами. Причем теперь уже преобладал голос не старосты. Его заметил другой, помоложе, похожий на студента, вроде Фурманова при Чапаеве. Сам староста - крупный мужчина, с сонным угрюмым лицом. Другой более интеллигентен внешностью, но не словами. Угрозы сыпались слишком быстро и слишком не соответствовали обстоятельствам. Я громко сказал:

- Ты сексот, наверно, раз угрожаешь мне без всякой причины.

Новый взрыв притворного негодования. Староста даже направился ко мне, угрожая начать побоище.

- Что, от следователя задание получил!

Новый словесный фейерверк. Но уже пустая вспышка. Не по плану идет спектакль. Замешательство. Но злые глаза напряженно следят за каждым моим движением, ища придирки.

Наконец, укараулили. Новый взрыв оживления. Кому-то показалось, что я высморкался в раковину. Но они слишком торопят события. Я не высморкался. Я только продул гребенку, которую слегка помыл у раковины. На этот раз староста пошел на меня не сам. Он выслал здорового раздолбая в модных брюках. Клеш с резкими поперечными полосами. Немного наминал бы клоуна, если бы не был так высок и широк.

- Мы тут в раковине б... ноги моем б..., а ты сморкаешься б...! - закричал он, подходя почти вплотную.

Я встретил его успокаивающим взглядом и четким голосом. Нападение опять не состоялось. Тем временем я направо и налево удовлетворял любопытство несколько оживившихся людей, расширяя краткие сведения о себе. Информация о моей жизни, даже самая краткая, убедительна и без комментариев. Но к этому я присоединяю все, что можно, о существовании и других людей, осмелившихся бороться с преступным произволом правительства. Иные вещи довольно только назвать, сказать, например, что есть книга, которая называется: "Кто сумасшедший?" Все удивляются, почему я посажен в камеру с уголовниками. Подсевший ко мне сексот попытался ухудшить обо мне общее мнение: "Да ты, наверно, не писатель. Мелкий ябедник, заявления, наверно, пишешь... жалуешься". Я ответил: "И до ябедника не дорос. Я убийца: колхозного петуха убил." Добавил и еще шутку в этом же духе. Но по дружному смеху я понял, что многие из этих заморенных людей внимательно прислушиваются.

И вот я лежу на самом худшем месте, рядом с уборной. Специально для меня освободили. Запах — само-собой, но и заснуть трудно: шум уборной не прекращается всю ночь.

6

3 декабря 1975 года меня привезли в тюремное отделение рижской психбольницы. В этот же вечер меня вслед за другими вызвали в процедурную комнату. Необычно тщательно заперли дверь и подвергли допросу. Допрашивая, кричали, угрожали, однако ничего не добились.

— Тогда пей лекарство! — заявил мне фельдшер-латыш.

Я отказался.

— Тогда укол!

Я отказался и предупредил, что буду защищаться. Кончилось тем, что меня избили до такого состояния, что я не мог двигаться, и укол все же сделали. Затем меня поволокли по коридору и швырнули на койку. Позже, кто-то из заключенных прикрыл меня одеялом, и я забылся.

Спать мне мешают. Меня опять разбудили. Делает это санитар, участник избиения, тоже латыш. Ожиревшее лицо его производит странное впечатление. Оно кажется плоским на манер бульдожьей морды. Подойдет, рванет с меня одеяло, чтобы разбудить... Но увидевши его бульдожий оскал, я снова закрываю глаза, стараясь не думать о том, что меня ждет дальше.

Итак, желание моих воспитателей исполнилось. Но избить меня им пришлось не руками заключенных, о чем они мечтали. Меня избивали два милиционера, фельдшер и санитар. Избили меня не в тюремной камере, а в лечебном заведении, И второе Но, избиение не привело их к жданной победе.

Когда я стал ходить без посторонней помощи, врач /латыш/ угрожал привлечением меня к суду за нападение на людей, выполнявших служебные обязанности. Ему совесть позволила говорить, что они были вынуждены защищаться от моего нападения. Я сказал со злой, но спокойной усмешкой:

- Когда я, избитый, не только драться, но и встать с пола уже не мог, когда меня подняли и посадили на кушетку, меня и после этого брали за горло и били головой об стену. Это тоже вы расцениваете как защитные действия от моего нападения?

Если они так поступили с писателем, хоть и мало удачливым, но все же известным всему Западу, то как же они поступают с другими, совсем неизвестными. Что могут ждать от них тысячи и тысячи тех, кого НИКТО НИКОГДА не защищает. Самое нужное учреждение в самое ближайшее время - это Международный Институт Тюрьмоведения, точнее, изучения всех способов замены идеологической борьбы бандитской расправой. Каждый из мучеников должен удостоиться внимания этого учреждения. Даже жизнь их родственников и друзей должна проследиваться до последнего дня. И нет на планете государства, которое имеет право назвать эту всемирную и неотложную задачу своим внутренним делом. Закрытое государство - это не государство - это организация преступников, скрывающая свои преступления.

7

В рижской психбольнице я был до 10 февраля. Два раза водили на комиссию. Победы им нет. Но и поражение признать тошно. Решили направить меня в Москву, в Институт имени Сербского. Высшая инстанция в области судебной психиатрии. Первого марта прохожу здесь приемные процедуры. Здесь это проще, чем в

"Бутырках" /где я провел до этого одну неделю/. Там на это уходила вся ночь без отдыха. Там мы раздевались под сквозным ветерком. Затем распаривали грязные тела в душевой с излишне горячей водой. Вымыться было нельзя: слишком горяча вода, затем мы грязные и распаренные надевали свое грязное белье с тем же зимним ветерком. Затем часа два потели в коридоре, чтобы расписаться за майку и трусики и получить их.

Здесь меня попытались изобразить человеком мрачным, придирчивым, у которого всегда плохое настроение. Я возражаю: "У меня всегда хорошее настроение, когда нет причин для плохого. Я хотел бы посмотреть, какое у вас было бы настроение на моем месте". Пытаются узнать, какие у меня надежды. Я отшучиваюсь: "Разве нельзя жить без надежд?" - "Какое же у вас настроение?" - "Такое какое мне нужно, я стараюсь быть хозяином своих настроений". - "Но ведь это трудно". - "В кухню своих настроений я вас не приглашу: мы - враги".

Мой враг - молодая женщина в белом халате, красивая, с чем я не вполне согласен. Думаю, и она не вполне согласна, иначе зачем ей прибегать к помощи косметики. Она многим интересуется. Разговаривать с ней не противно. Но не зевай! Бродим вдвоем, как бы непринужденно, по разным тропинкам моего прошлого, усыпляет она мою бдительность. И вдруг, один шаг - и мы на асфальте... Берегись: машина! Она предлагает снова и снова вопрос, который должен бы предлагать мне следователь. Удлиненная пауза. Либо она слышит мои слова: "На эту тему разговор не состоится". И опять - мы на тропинках моей памяти. Я тоже не упускаю случая. Ведь я так богат. Есть чем поделиться с собеседником. Вынуть кстати из памяти жирный, сочный кусочек. Угощайся и чувствуй, на что способны люди, которым ты усердно служишь. Укол она чувствует и быстро

возражает: "Да-а... было." - "Не только было, но и сейчас есть". Я отхватываю новый кусок из того, что сейчас есть. Кушайте. Но тут нужна бдительность, виртуозность. Новый кусок не должен выворачиваться против меня. Ведь каждый факт может иметь двойную оценку: либо есть ужасная действительность, либо ее нет, а есть только плод фантазии больного человека. Тем более, что действительность невероятнее любой фантазии. Даже сам, когда вспоминаешь, плохо веришь, что все это было.

Да, зевать нельзя. В рижской психбольнице, на комиссии я еще не успел и ошибку сделать, как меня уже атакует с агрессивной тупостью латышка, пытаюсь мое неуважение к кагебешникам истолковать как манию подозрительности. Я гаркнул ей: "А вы откуда знаете о делах кагебешников. Об этом можно узнать только из двух источников, только из двух: либо надо много лет быть их сотрудником, либо надо быть в числе преследуемых. У меня богатейший жизненный опыт, а у вас? Из какого источника ваши сведения о методах их работы?" И латышка, несмотря на свою тупость "заткнулась", как говорят.

Здесь тупости меньше, но не активности. Вот профессор Лунц, выписав словами зигзагообразную вопросительную линию, ставит точку и ждет ответа. Я улыбнулся. "Вы хотите меня подвести к тому, чтобы я назвал себя спасителем мира. А сами вы не желаете принимать участие в его спасении? Или вы находите, что ему ничего не угрожает, хотя бы со стороны какого-нибудь империализма?" Под моим давлением Лунц вынужден признать, что мир, действительно, в большой опасности, хотя бы из-за наличия атомных и водородных бомб. "Значит, вы не очень верите в надежность разума тех, кто распоряжается этими бомбами?" После этого я ставлю точку уже под восклицательным знаком:

- Спасать мир обязаны все, не торгуясь о том, кто из спасителей больше и насколько. Кто не гниет заживо должен бороться, как бы это ни казалось трудным и безнадежным.

8

Меня многократно спрашивали, нет ли у меня каких болезней, не нуждаюсь ли я в какой-либо медицинской помощи. Удивляются тому, что с давнего времени я ни разу не обратился к врачу. Надо думать, наблюдают и за тем, какую гимнастику я делаю /здесь это возможно/. На комиссии после разных вопросов я спрашиваю:

- А вы не желали бы услышать, как я отношусь к вашим заботам о моем здоровье?.. Я не нуждаюсь в услугах советских психиатров. В ваших услугах нуждаются те, кто сидит в Кремле. Вот у этих людей болезненно велика подозрительность. И много требуется жертв, чтобы они спали спокойно.

Итак, в трех психбольницах побывал я на комиссиях /Елгава-Рига-Москва/. Высшая инстанция вынуждена была меня признать вменяемым. Не завидую латвийским карателям. Сложное положение. Их только этот исход и устраивал, о чем с горечью проговорился прокурор моей жене. Судить? Они достаточно убедились, что и в суде я не буду разговаривать. Их это мало устраивает. Да и обвинения их против меня становятся неубедительными без моих раскаяний и разъяснений. Ведь им надо сохранить хоть некоторую видимость законности.

"Тебя выпустят, - предсказал мне один "доброжелатель", - но долго тебе не ходить. Найдут способ прикончить". Пока что хорошо видно только одно, как им не хочется меня выпускать. Они делают все, чтобы тюремная жизнь как можно больше меня изматывала. Тактику несколько изменили. Меньше откровенности: если мимо

моей головы пролетают ботинки, то это по ошибке, мишенью я не являюсь. Просто бездельники затеяли игру настолько увлекательную, что им хватает ее на много часов подряд... день за днем... на несколько недель.

Здесь вообще мучительство в большом почете. Если кто задремал, найдется охотник из "первого стола" опрокинуть ему на голову миску воды. "Самосвалом" называется это развлечение. Приятно одним и полезно другим. Полезно советским следователям: измученный заключенный становится стоворчивее, скоро "расколется" и позволит представить дело в таком варианте, который больше устраивает ленивого и недобросовестного следователя.

Что такое "прописка" - это пытка для новичков. Больше часу мучают их, вышибая чувство собственного достоинства /и уважение к другим/. Тут их и ложками по голове бьют, и воду льют, и в штаны и за шиворот, и мыло предлагают есть. А тюремщики делают вид, что не замечают всего этого. Последняя процедура "прописки" происходит у самой двери, в полутора метрах от "глазка". Здесь страдальца усаживают на скамью. Держат перед его глазами одеяло. "Сейчас будем фотографировать". И отдернув прочь одеяло, выплескивают ему прямо в лицо целый таз воды, сомнительной чистоты.

Бессмысленная жестокость не вызывает у большинства отвращения к подобным развлечениям. Наоборот, вызывает подражание. Прошедшим эту воспитательную процедуру новичкам, позже бывает весело, когда издеваются над другими. Даже тот, над которым издевательства продолжают и после "прописки", кому достается больше других, силится обнаружить еще более незадачливого, чтобы самому кого унижить.

Тюремщики дают здесь пример в том же направлении. Когда во время проверки заключенные

просят начальника прислать туалетную бумагу, некоторые из них отвечают: "Для этого у вас есть зубные щетки".

9

Если лишение свободы может иметь какое-нибудь воспитательное значение положительного характера, так это только одиночное заключение с подчеркнуто вежливым обращением, не допускающим никаких подлостей и потачек. Не хотел преступник считаться с правом существования других людей - живи один. А если уж и допустить в некоторых случаях объединение в некие группы, уже доказавших хорошую способность к общежитию, то в этих группах должны быть люди с совершенно однородными претензиями и одинаковыми возможностями. Тюремная тирания - это очень активное средство перевоспитания заключенных, но только в отрицательном направлении.

А какие привилегии создают советские тюрьмы для самых безнравственных людей! Там, на тротуаре, он бил морду с некоторым риском для себя: а вдруг побитая морда принадлежит дружиннику или, еще хуже, крупному чиновнику, а здесь, в тюрьме, ему представляется возможность бить и по морде и "по почкам", ничем не рискуя. Да где же еще такое раздолье? такая "житуха"?!

Самые агрессивные всегда организуются. Эта организация именуется "первым столом" /шесть человек/ их поддерживают кандидаты. Советская тюремная камера - это модель советского государства, упрощенная, зато очень наглядно-откровенная. Так же, как в государстве, большого чиновника меньше всего интересует, хорош ли он сам для своей должности и полезна ли самая должность для жизни народа. Должность полезна для него самого - это прежде всего. И полезна, по его понятиям, для организации его сообщников. "Первый стол" в тюремной камере нужен только самому себе.

У них коммуна. Масло, сахар и другие нетюремные продукты они делят на всех поровну /сидят за отдельным столом, вроде президиума/. Они берут на свое пропитание половину первой передачи у каждого заключенного. Сидящий за "первым" столом и даже кандидат может предложить вам снять пиджак, штаны... то, что понравилось, "для примерки". Если ему по покрою вещь подошла, он ее не снимает. Вы наденете то, что он вам даст. Где же лучшая возможность для грабежа?

Поразительна покорность тюремного народа. Вот на прогулке отводят в сторону молодого человека. "Первому столу" захотелось развлечься. Они бьют его кулаками "под дышло". Не так чтобы он упал, но все же причиняя мучительную боль. И он не смеет обороняться. Ко мне подходит сексот из пожилых. "Что здесь творится! - говорит он. - Об этом обязательно нужно написать". Я ему нехотя отвечаю: "Это школа коммунистического воспитания. Каждый новичок чувствует, как он еще несовершенно, и постарается выйти отсюда заверченным негодяем". Он не унимается. "Тут материала на целый роман. Как портят молодежь! Напишите вы обо всем, да пошлите министру. Можно ведь и анонимно..." - "Зачем же это делать?" - "Он не знает, что здесь творится". - "Он знает столько, сколько он хочет знать. У них здесь на каждые пять человек - один сексот. "Первый стол" целиком в их распоряжении. Все, что здесь творится, их вполне устраивает".

- - - - -

7 мая 1976 года меня доставили в Елгаву к прокурору Сандлеру. Он говорил мне о гуманности Советской власти, которая сочла возможным выпустить меня до суда /"следствие еще не закончено"/. Он надеялся, что такая милость смягчит меня, и я пообещаю быть паинькой.

- Ну как... договорились?
- Нет не договорились.
- Как... не договорились.
- Вы хотите запретить мне заниматься творческой работой. Я не признаю законным ваше требование.
- Вы можете заниматься творчеством, но нужно заниматься полезным творчеством, а не вредным... для общества.
- По-вашему, полезно только одно - похвалы правительству. Этим я заниматься никогда не буду. Даже если бы они заслуживали похвалы, то у меня, наверно, хватило бы других забот.
- Меня отпустили, заставив подписаться "о невыезде" из Елгавы. Не доходя до дому, я встретился с Люсей.

10

Надолго ли наши ежедневные прогулки вместе? Прогуливаемся по самым красивым местам. Стараемся не замечать уродства городских деревьев. Местами они все с дуплами, некрасивые калеки, наполовину сгнившие. Гнилые сучья не удаляются, удаляются здоровые и красивые. Вот на рядах лип сучья спилены все. Оставлены короткие окоmelки. Некрасиво торчат они из нелепого сгустка бородавок и опухолей, созданных ежегодным обрезанием. Как руки, изуродованные невиданной болезнью, поднялись они все враз, умоляя людей не обрезать их так жестоко и так бездарно-некрасиво.

Идем. Смотрим, как одеты люди. Если на них смотреть долго, появляется уверенность, что мир спасать уже поздно. Между искусством и глупейшим кривлянием поставлен знак равенства. Но тише! Нельзя критиковать то, что делает Ее Величество Посредственность. Она крушит все... и самое прекрасное творение наших предков - человеческий язык.

Вскрикивает в парке девочка лет девяти. Обращаясь к мальчику, она говорит: "Ух, как ты меня напугал. Я чуть не усралась". Даже у этого возраста уже в моде грубость - антипоэтичность, антитактичность, антихудожественность. Всякие антиудовольствия доставляют удовольствие.

10 мая 1976 года, еще не будучи освобожден окончательно, я выслал заявление на имя Министра внутренних дел СССР. Не помню - которое. Много их было за 15 лет.

"Прошу дать мне и моей жене, Нариче Людмиле Васильевне визу на выезд из СССР. Мирозрение мое ни в одном пункте не совпадает с марксизмом и, что еще важнее, я не могу одобрить ни одного поступка коммунистов /и Советского правительства/ ни в отношении внешней, ни в отношении внутренней политики. Со своей стороны, представители Вашего правительства относятся с непримиримой враждебностью к моим литературным произведениям, называя клеветой то, что я считаю строгой правдой, лишенной всяких преувеличений".

31 мая 1976 года меня вызвали к тому же прокурору. Тот же разговор о гуманности Советской власти и мне, наконец, объявили, что хотя в моем поведении и усмотрен "состав преступления", меня выпускают на свободу. По причине моей старости и по причине неких объективных изменений за время моего пребывания под следствием я перестал быть социально опасным.

Мой сын Петр был выпущен из тюрьмы значительно раньше меня. Но о гуманности Советской власти не судите слишком поспешно. Лучше прочтите следующий очерк.

СНАЧАЛА САМОСУД - ПОТОМ СУД

1

6 и 7 января 1977 года в городе Елгаве Латвийской ССР судили моего младшего сына Петра, 1944 года рождения, арестованного 27 августа 1976 года.

Мы с женой начали посещать зал суда с 3 января. Нужно было познакомиться с обычаями местного суда на чужих делах и нужно было установить, какие места в зале будут для нас наилучшими. Было и опасение, что Петино дело могут неожиданно перенести на какой-нибудь другой день. Наши первые впечатления оказались такими, что хочется с них начать. Начнем со входной двери этого маленького деревянного здания районного суда. Нет впечатления порядка и порядочности. У входной двери разбит замок и она, после ваших усилий затворить ее, вновь широко отворяется. В роли новичка затворить дверь можно только после нескольких неудач, сопровождаемых небольшими исследованиями. Еще раньше, когда вы взбились по скользким ступеням на маленькую площадку крыльца, вы просочились через небольшую толпу преимущественно молодых людей со скучающими взглядами, враждебными ко всему живому. Несколько тяжелых, злых взглядов достались и нам. И нас сразу же в коридоре подвергли допросу: "Вы родители пострадавшего?" Мы ответили охотно: "Да нет же... Мы просто изучаем обстановку. Шестого числа будут судить нашего сына - вот мы и приглядываемся к здешним порядкам." Взгляды не смягчились: нам не поверили. "А за что будут судить вашего сына?" - "Да один напал на пятерых дружинников... Некоторые из них пострадали." - "Не может быть". - "Конечно не может быть, но таково обвинение." - "Это статья 184 часть вторая", - без запинки говорит один из них, молодой, уже стывший срок нака-

зания. Пострадавший тоже уже был здесь, еще почти несовершеннолетний юноша, но высокий и широкоплечий, с добрым лицом. Этого они не боялись, но вот родители... эти бывают всякие.

Одна из адвокатов пришла раньше, минут на двадцать. Кажется, что она не успела заблаговременно подготовиться, и теперь хочет кое-как, наспех, полистать бумаги. Но мы не совсем угадали. Она уже, очевидно, получила от соучастников хулиганов некую ассигнацию помимо своей законной зарплаты, и решила зашищать всерьез. В коридоре она говорит со своим подзащитным, которого по малости вины выпустили на свободу до суда.

Подсудимый: Я ударил его только один раз.

Адвокат: Нет, ты его не ударил. Это был скользкий удар... нечаянно... Понимаешь?

Затем этот подсудимый подсел в зале суда к пострадавшему и втолковал ему, что надо говорить в суде. Только с появлением прокурора подсудимый отодвинулся от пострадавшего, а с появлением судьи он занял свое место на скамье за барьером, рядом со своим приятелем, которого привели милиционеры.

Прокурор вошел очень солидно. Рост большой, вес большой, костюм прокурорский прикрывает солидное брюшко, хотя он еще молод по виду. При втором взгляде - уже больше нелеп, чем солиден. Немного напоминает юношу, преждевременно и чрезмерно ожиревшего, какие теперь встречаются. Не успев развиться в мужчину стал дряхлеть. С сонным лицом и скучающим видом стал бубнить скороговоркой, почти шепотом читая обвинение.

Когда бездарный и ленивый ученик не знает, что отвечать учителю у него пропадает голос. Скромность невероятная, так что и учитель почти ничего не слышит. Здесь в суде, ис-

ключая, пожалуй, судью, все так говорят. Никто не заинтересован в том, чтобы его хорошо слышали. Весь разговор происходит у самого стола судьи. Даже и подсудимые совсем рядом. Судья, если захочет, переспросит. Остальным это запрещено. Всего этого вполне достаточно, чтобы гласность суда превратить в фикцию.

Итак, все лгут вполголоса и даже тише. Вариант со "скользящим ударом" пошел в ход. Он отрабатывается буквально на ходу. Раньше подсудимый показывал /по протоколам предварительного следствия/, что он, подбежавши на зов приятеля ударил уже лежавшего незаконного ему юношу кулаком в голову. Теперь он говорит: "Я подбежал... стал его поднимать... Он вырывался. Я рассердился... отпустил его и махнул рукой. Дурак, мол, тебе же лучше хотят. И вот задел..." Самый последний вариант: "Я поднимал его, взявшись за одежду около плеча. Рука сорвалась и задела". А зачем поднимал?..

Самое удивительное и вместе с тем типичное, что сам пострадавший помогает сочинять эти варианты. Врет, противореча своим собственным показаниям и, следовательно, рискуя получить за это уголовное наказание, если у судьи будет благоприятное для такого исхода настроение. Судья сейчас сердится на пострадавшего не меньше, чем на хулиганов, не желая понимать причин его трусости. Его избili только потому, что одному из пьяной компании показалось, что он медленно /значит, неохотно/ вытаскивает спички из своего кармана, когда его попросили закурить. Избили только для того, чтобы развлечься. Чего же ему ждать в будущем, если у них будет причина для такого развлечения. Они уже узнали, где он живет. Они уже были у него в общежитии, где угрожали ему, хотя этот процесс затеялся вовсе не по его жалобе. Посторонний человек навел на их след милиционеров. Это необычный

случай, обычно это сходит безнаказанно. Они уже знают "его девушку" и ее мать. Не знали пока только его родителей. Следствие свое провели с большим усердием, чем это делает казенный следователь. Советский суд не станет даже искать нужного для твоей защиты свидетеля, если ты не поименуешь его полностью и не дашь его полного адреса.

Особенно выразительно дешево врет мать другого хулигана, уже отслужившего в армии, который не один раз, а много раз ударил. Неизвестно зачем ее и допрашивают: ее не было на месте преступления. Уж с каким неуклюжим усердием, боясь недостараться, расхваливает она своих "сыночков", из которых двое здесь, а один еще не вышел из заключения. Все трое произошли от отца алкоголика. Уж она и всхлипывает и голосит и к судьям обращается с такими словами: "Миленькие мои и хорошенькие, не накажите строго. И до чего же добрые сыночки мои, особенно этот... И ласковый со мной и вина в рот не берет, кроме как по праздникам и в особенных случаях". И тут же проговаривается, что она сама ходит за его получкой. Не доверяет ему самому получать заработанные деньги. Эта роль матери - самая поразительная в этом процессе. До чего можно докатиться, живя в цивилизованном обществе, что страха ради перед собственным потомством так усердно расхваливать своих мучителей, которые и "кормить" ее никогда не будут. Наоборот она, получая пенсию 42 рубля, вынуждена еще работать, добывать еще 70 рублей трудом уборщицы.

И еще одна фигура суда, хоть и необязательная - "общественный защитник". Судья спросила этого бесцветного по внешности мужчину: знает ли он, какое преступление совершил его подзащитный. Мужчина ответил, что нет не поинтересовался познакомиться с делом. Судья возмутилась: "Как же вы беретесь его защищать, не интересуясь даже, что он сделал? Может

быть, ему не защитник требуется, а общественный обвинитель? Может быть, вы к такому выводу могли бы прийти, если бы удосужились познакомиться с делом". Общественный защитник флегматично ответил, что он не собирается говорить о его поступке, как он мягко выразился, что он охарактеризует его только "с общественной стороны".

И хвалил... сколько мог. Первый парень на производстве и в клубе. Но каково же ходить по улицам советских городов, особенно когда стемнело, если так опасно встретиться даже с первым парнем. И главный козырь всех положительных характеристик: "не считается со временем ни на производстве, ни на общественной работе". В чем нашел приятность этот активный общественник: с группой собутыльников напасть на одного. С удовольствием продолжать бить того, кто даже не защищался. А какая низменная трусость: когда ему показалось, что приятели его, продолжая путь, удаляются, он их окликнул на всякий случай: вдруг растянувшийся на земле юноша обретет мужество и начнет обороняться. Разве не через этот поступок, вполне бескорыстный, нужно теперь посмотреть на всю его прежнюю "общественную" суету?

Побитому все равно, получит ли избивший его два года, как просит прокурор, или полтора года этой "химии" /нечто вроде строгой ссылки, но в места вовсе не отдаленные/, лишь бы у его врага не появилась охота еще раз поразвлечься. Для общества - это тоже все равно. По крайней мере, мое такое мнение. Ибо я очень хорошо знаю, что не только безнаказанность, но и любое наказание по советскому образцу только способствует дальнейшему развращению человека.

Но вот, наконец, и наше дело. Сегодня из сидящих за столами уже два человека кажутся способными выполнять свою работу, если бы им не мешали - это судья Медведева и адвокат Минскер. Прокурорское место занимает тот же жиреющий мужчина, фамилия его - Гранит. Фамилия первого следователя Вилемма Л., второй следователь - Скрастиньш Я.В. Антураж судьи сегодня несколько улучшился. Бледенькая рыжая женщина пытливо смотрит на лица участников трагикомедии и не старается отделаться многозначительной понимающей гримасой ленивого статиста. Она просто опрашивает взглядом и пытается что-то понять. И мужчина справа не тратит свои силы на борьбу с дремотой и на то, чтобы скрыть эту борьбу. Он задает вопросы только для того, чтобы извлечь большую ясность. Внешне похоже на то, что все эти люди не желают повторить следующие слова опытного юриста: "Откуда мы можем знать, что происходит в действительности. Может быть, там черт знает что, в этой действительности. И нет никакой действительности, а есть очевидность"/из рассказа Леонида Андреева/. Похоже, что им почти всем хочется прояснить действительность, хотя бы только для себя, хотя бы и не для приговора. Понятно, что мне не меньше их хочется узнать, что же было в действительности. Но этому моему желанию хотели помешать в самом начале. Судья начала придирки к моей жене. Не ошиблась: у моей жены хороший слух, тогда как я уже оглох на одно ухо. Только вдвоем, общими усилиями, могли мы составить общую картину суда. Раздражение судьи вызвала даже "гримаса" моей жены. Когда жена сказала одному свидетелю: "погромче" /одно слово, вполголоса/, судья изобразила такое возмущение, что удаление казалось неизбежным. По ее словам, только суд имеет право выражать такие просьбы свидетелю. Тогда

я громко сказал: "Имеем мы право присутствовать в суде?!" - "Мы вас не гоним". - "Тогда мы имеем право и слышать все, что здесь говорят". Последовало новое разъяснение, что кроме права присутствовать, никаких других прав у нас нет, и слышимость они обеспечивают только для себя. Я подчеркнул: "Значит, в суде можно говорить только шёпотом". Своими репликами я достиг того, что теперь надо было либо удалять нас обоих, либо обоих оставить в покое. И судья оставила нас в покое до конца процесса.

Я внимательно смотрю на Петю. Каким он стал после четырех с лишним месяцев испытания /испытал и карцер/. Внешне он не похож на тех, кто сидели на этой скамье вчера и позавчера. Те ерзали, постоянно меняли позы не от излишеств волнения, а от излишеств скуки, от недисциплинированности души и тела, от неспособности преодолеть даже такое затруднение, как жесткость скамейки. Не поднимая головы, они бормотали после вопросов судьи, с трудом связывая в одно целое несколько слов. Петя сидит спокойно, со спокойным лицом. Тело его кажется собранным без напряжения. Спокойны его ответы, разумны и даже остроумны вопросы к путавшимся в показаниях противникам. Но он произнес одно роковое слово, хуже любой нецензурной ругани, которую ему приписывают. Он назвал приятелем Хренова, сыгравшего главную роль в этом кровавом спектакле, дающего "очень ценные показания" сейчас. При настоячивых домогательствах судьи, он произнес это слово - "приятель". Произнес без понимания его точного словарного смысла, без понимания того, какую услугу он делает суду. Пожалуй, это была единственная ложь, которую я слышал от него в суде. Нужно отметить, что здесь мы соприкоснулись с его слабым местом. Он слишком доверчив и слишком общителен для нашего времени. Вот и сейчас он добродушно улыба-

ется не только нам, но и тем "приятелям", подобным Хренову /из них двое - художники/. Он рад, что они не забыли его; пришли в зал суда. Велика заслуга! Когда его выпустят, он снова будет в их руках. Настанет ли полное прозрение или нет на это данных в его характере? Кому можно верить в этом государстве? Это можно считать большой удачей, если за десять лет встретишь одного столь храброго, что он осмелится поступать согласно со своей совестью. Одиночество надо нежнее всего любить в этом государстве.

Его противники - пять человек самого лучшего возраста для своей задачи, т.е. это не зеленая молодежь, но и не ожиревшие пожилые горожане. Весом они превосходят угрожавшего их жизням худоцавого противника не в пять, а раз в восемь... девять. Это настоящие самородки, но без той гармонии универсального развития, к которой стремились древние греки. Лица их мне кажутся тупыми, а некоторые из них даже выразительны в этом направлении. Во всяком случае, если бы я задумал написать "идейную" картину, представляющую царскую Россию, то для изображения черносотенцев в качестве натурщиков я выбрал бы именно этих из всех натурщиков, которых мне приходилось когда-либо видеть. Разумеется, что пока речь идет только о внешних впечатлениях, но и о них уже позаботились: на скамью пострадавших посадили не всех пятерых, а только двоих /Питкас и Высоцкий/, другие подходят к судье по одному в качестве свидетелей /Гвоздев и Гароза/, пятый - Стрижко - вовсе не вызван в суд /говорят, что он попал в тюрьму/.

Эти пятеро, по их показаниям, увидели гаечный ключ в руках своего противника, которым он "замахивался" /но никого не ударил/ и слышали крик: "Я вас всех перебью!" Что же привело Нарису Петра в такое противоестественное неистовство? Необходимость предъявить

документы? Они и не требовали этого. Петя сам, не дожидаясь их требования, крикнул жене: "Предъяви документы!" Так что же происходило? И была ли наконец необходимость задержания, которой по словам пятерки воспротивился Петя? Подозрение, что автомобиль, стоявший у дороги, — краденый, отпадает. Все нужные для этого документы были предъявлены, и пятерка этого не отрицает. Они утверждают, что только Петин паспорт не был предъявлен. Но он каким-то чудом попал в руки следователю, — об этом позже. Так зачем же им так нужен был именно Петин паспорт, если по предъявленным документам он не является даже собственником автомобиля? Все дружинники показывают, что у них и не было каких-либо других подозрений, кроме того, что люди, копотившиеся у автомобиля, были пьяны. Перечислим людей, бывших у машины. Кроме Пети и его жены Гали, было еще двое детей десяти и семи лет, и один взрослый мужчина Валерий Хренов. Кто такой Хренов?

Пятерка, проверявшая документы, именуется в суде дружинниками государственной автоинспекции /ГАИ/. Они свои документы отказались предъявить подсудимому. А Хренов — это председатель общества автомотолюбителей, который учит людей искусству вождения машин и тому, как выполнять дорожные правила. Этот Хренов, по слухам, бывший чекист, этот "друг" семьи, с которым семья познакомилась только после приобретения злосчастной /сильно поношенной/ машины, т.е. после 11 августа /а избиение произошло 27 августа/, которому платила эта семья за обучение как инструктору, спровоцировал роковую прогулку за город, взял на себя вождение машины, обнадеежил и обманул эту семью: на месте действия он заявил, что водительских прав у него нет. Он настойчиво отговорил не брать с собой собаку /дога/, а когда Петю избивали, он молча спокойно стоял в стороне, "как американский наблюдатель"

/по словам одного из судей/. Поведение его настолько подло, что и судья потеряла равновесие и назвала его безнравственным человеком и главным виновником всего происшедшего.

Хренов не был пьян. Таково и заключение отрезвителя милиции, таковы и показания пятерки и всех милиционеров, соприкоснувшихся с этим происшествием. И в то же время, именно Хренов был водителем машины. Друзинники даже подчеркивают, что на этот счет у них сомнений не было. Тогда какое же имеет значение, пьян ли был Петя или нет, с собой у него был паспорт или он забыл его дома. Где причина задержания? Оказывается, причиной задержания была нецензурная ругань, которую приписывает ему пятерка. Эта ложь лишена даже слабых признаков правдоподобия. При такой нетрудной для Пети ситуации и при таком вежливом обращении с ним и его семьей, как рисует эта пятерка, он не мог дойти до такого безумного возбуждения, что не только ругался нецензурно, но и, поднявши гаечный ключ, бросился на пятерых. Да, он кричал: "садисты-коммунисты!" уже в самом конце, жестоко избиваемый. А вот когда его били в милиции /города Елгавы в феврале 1971 года/, ни за что ни про что, милиционеры в полной форме, тогда он не кричал и не сопротивлялся. Он даже лег на пол для демонстрации непротивления. По всем показаниям и обстоятельствам у меня составилась такая картина.

Пять человек имели два милицейских жезла /которыми они потом били по голове Петю/ и не больше двух нарукавных повязок на всех. Начали они вовсе не с предъявления каких-либо требований, а с оскорбительной грубости: "Эй, длинноволосый! что ты тут придуриваешься!" Жену его называли обезьяной, надеясь вызвать у Пети ответную реакцию, т.е. желанную "нецензурную брань". Когда это не удалось, когда Петя спокойно попросил быть повежливее

и предъявить свои документы, тогда они бросились на него с криком: "Вот мы тебе сейчас покажем вежливость!" "Вот мы тебе сейчас покажем документы!" Они стали хватать его, пытаясь овладеть его руками. По моим понятиям, с этого момента и началось нападение, и это пустой вопрос с чего началось: с ударов кулаками или с самбистских приемов. Но Пете удалось выскользнуть. Он отбежал и предупредил, что будет защищаться, вероятно, надеясь, что они образумятся. После этого он не бросился на них, а бросился в свою малину и запер дверцы. Из машины его вытаскивали втроем /даже по показаниям пятерки/. Зачем? Последовало жестокое избиение, т.е. самосуд. Независимо от того, провинился или не провинился подсудимый, на самосуд закон не дает права никому, хотя это практикуется очень часто. "Когда надо, тогда и бьем", - объяснил мне один милиционер. Когда "надо" - это они определяют сами. Это очень легко делать, потому что подсудимым является тот же, кого бьют. А какие у него есть возможности оправдаться, это мы увидим дальше.

Удивительная роль защитника в советском государстве, когда дело имеет политический оттенок. Кого он защищает в этом случае? Начал он с того, в свое время, что пригрозил отказаться от защиты, если Петя будет "устраивать спектакль", т.е. будет давать делу политическую окраску. Затем он уговорил Петю избегать "резкостей". И вот, наконец, самая важная "услуга" убедил "не чернить свидетеля Хренова". Это он внушал и его жене Гале, играющей роль свидетеля. Я разубеждал Галю: "Не надо щадить Хренова. Наоборот, если Петя сделает промах, то твоя обязанность сказать, ничего не забывая, все, что характеризует Хренова и ваши с ним отношения. Галя сделала вид, что она поняла меня и согласилась с моими доводами, но в суде она обязанность свою не выполнила, хотя это оказалось очень важным.

Адвокат и мне говорил за несколько минут до начала суда, что "показания Хренова очень ценны", что Хренов завирался только в начале следствия, но зато теперь... Да, с помощью адвоката все было сделано, чтобы показаниям Хренова придать наибольший вес. С помощью адвоката все было сделано, чтобы Хренов из толпы своих соучастников-сексотов перешел в разряд друзей семьи Пети. Теперь даже явная лживость и противоречивость его показаний /он противоречил своим собственным показаниям/ оказалась "очень ценной": суд считает его лгуном, когда его показания полезны для оправдания подсудимого, и принимает за чистую монету все, что полезно для его обвинения.

Отвратительную роль в этом деле сыграла и жена Пети Галя. Она, оказывается, ничего не видела и ничего не слышала из того, что происходило на месте преступления, хотя была там от начала до конца. Там она вела себя возбужденно и излишне демонстрировала перед Петей свои обиды, причиненные ей дружинниками. Здесь, в суде, она этих обид не подтвердила. Обычно очень бойкая и по-своему смьяленная, связно говорить может, здесь, в суде, она "играет под дурочку". Двух слов не вяжет, все забывает, говорить не может, может только прочесть нами написанную шпаргалку. Такое ей удалось создать впечатление, хотя шпаргалку мы ей не писали.

3

Итак, Петя сейчас защищается против всех. Один. Как же это он делает? Хорошо, за исключением упомянутой ошибки. Присутствующие в зале даже надеялись, что его оправдают. Его показания естественны, никакой театральщины. Он ничего не преувеличивает и ничего не старается скрыть, и, несмотря на свой изнуренный вид, не упускает ни одного случая для разоблачения своих противников. Он не признает

себя виноватым. Считает нападение заранее подстроенным, но разговаривать на эту тему отказывается: бесполезно.

Его противники дают показания сбивчивые, противоречивые. Они даже не обо всем договорились заранее. Даже лгать не могут добросовестно: обычно сходила и такая ложь. Гаечный ключ, по их показаниям, был выбит из руки Пети /один раз/. Но кто выбил? Было названо несколько фамилий. Гаечный ключ неизвестно как путешествовал от рук Пети до милиции. В милиции, составляя бумагу об этом ключе, дали ее подписать /в качестве понятых/ заинтересованным лицам, т.е. дружинникам /Питкас и Высоцкому/, что является нарушением закона. То и дело происходили такие диалоги:

Питкас: Он /Петя/ меня ударил, и я упал.

Судья: /недоверчиво/. Как упал?.. Растянулся во весь рост?

Питкас: Нет... пошатнулся...

Судья: Как пошатнулся?

Питкас: Упал на одно колено.

Причина задержания - непредъявление паспорта. Но паспорт - в деле у следователя. Как он туда попал?

Следователь /Вилемма Людмила/: Я не знаю, как он ко мне попал. Может быть, мне кто-нибудь на стол положил.

Судья: Но вы были обязаны составить протокол об изъятии паспорта... Указать, когда вы его получили, от кого.

Следователь: Я не знаю, полагается ли или нет составлять протокол об изъятии паспорта.

Судья: Вы разъяснили Нариче о его правах на экспертизу?

Следователь: Нет... не помню.

Судья: Вы неправильно здесь написали... Есть разница, и весьма существенная, между судебно-психиатрической экспертизой и судебно-медицинской.

Следователь: Описка.

Судья: Здесь нет вывода... определения характера ушибов: могли ли такие ушибы быть получены не от ударов. Вы не имели права принимать такие неполноценные документы. На постановлении об экспертизе нет подписи начальника следственного отдела... Нарушена статья 188 УПК.

Следователь: Я не знаю, по какой статье производится оформление документов.

Судья: Вы-ы!.. Вы не знаете?! Это я могу не знать УПК. Но как вы можете не знать?

Следователь: Вы не кричите на меня. Я сейчас уйду отсюда... Я - следователь!

Судья: Нет, вы не уйдете. Вы передо мной стоите не как следователь, а как свидетель. А голос у меня для всех одинаков. Дайте, пожалуйста, кто-нибудь УПК. Будем изучать здесь, раз у вас не было времени раньше это сделать. Вы бывали когда-нибудь в зале суда? Вас интересовало хоть один раз, как проходят здесь дела, оформленные вами? Конечно, нет. Десять лет работаю судьей - ни один следователь не соизволил появиться в зале!..

Следователь плачет. И у судьи уже нет строгого выражения. Она несколько раз подобострастно принимается извиняться.

Экспертизы, настоящей экспертизы, не было. была видимость экспертизы /с достаточным опозданием/. Было записано, что Нарича П. получил всего-навсего легкие телесные повреждения, тогда как после этого избиения Нарича П. и сейчас еще не выздоровел за че-

тыре с лишним месяца. Естественно, что Петина подпись не появилась на документах, относящихся к этой мнимой экспертизе. Есть только его протестующие заявления - бесполезно!

Еще несколько слов о паспорте. Свидетеля Гвоздева /из пятерки/ допрашивали последним. Его доставили в суд только после настойчивых требований судьи. Отвечая на вопрос судьи, он стал говорить о том, что Петин паспорт был предъявлен на месте преступления и что он сам этот паспорт передал милиционеру Казакевичу. После этих слов произошел беспокойный шум в среде милиционеров, присутствующих в зале, поспешно встал прокурор и заявил суду, что свидетель Гвоздев недееспособен в связи с травмой головы, полученной им недавно в автомобильной аварии. И свидетеля удалили, не давши ему закончить показания.

Наконец, алкоголь должен был смягчить неправдоподобность выдумок обвинителей и заодно создать "отягчающее обстоятельство". Петя показывает, что в этот день ни одного глотка из алкогольных напитков выпито не было, значит не только "ужасного", но и никакого запаха не могло быть, по его показаниям. Заинтересованная же в противоположном сторона, т.е. милиционеры и дружинники, показывают, что запах был "ужасный" даже от его жены, которая ни в какие праздники не пьет ни одного глотка. Вызванный в суд фельдшер, работавший в отрезвителе показывает, что наличие опьянения и его степень они определяют на глазок: по запаху и по походке, что никаких объективных способов они не применяют, что у Нарницы П. записано "среднее опьянение". "Значит, - пытается пошутить судья, - стоит мне посидеть рядом с пьяным, а потом поскользнуться и все готово". Затем она обращается к кому-то в зале с просьбой отвезти ее в автомобиле домой по окончании судебного заседания. "Темно... а сегодня скользко, и я бо-

юсь оказаться в отрезвителе". Затем просит слова подсудимый. Он спрашивает фельдшера: "Почему вы мне не сделали перевязку раны?"

- Я не заметила раны.

- Из раны текла кровь. У меня все лицо было в крови, а вы "не заметили". Может быть, это говорит о том, с каким вниманием вы определяете опьянение.

Судья выражает нетерпение, но Петя продолжает: "Кстати, вы не заметили, что милиционер, который приказал мне раздеться догола прежде, чем затолкнуть меня в отрезвитель, был сам пьян. И степень опьянения была заметно выше средней".

В первый день суда могло показаться, что судья отважилась докопаться до правды, что она невольно становится на сторону Пети и не мешает, а даже помогает выведению лгунов на чистую воду. У них было желание произвести впечатление, что судебное следствие проведено с большой тщательностью, даже необычайной тщательностью, как было подчеркнуто неоднократно /в речах прокурора и адвоката/. Может быть этого одного было достаточно, чтобы судья несколько раз случайно накренилась не в ту сторону. Но общее направление судьи все же было "правильным". Она усердно провоцировала Петю на признание хотя бы небольшой своей вины, провокационно признавая вину противоположной стороны. Судья спровоцировала Петю на нелепый подсчет ударов. Петя ответил вполне естественно: били жестоко, били много, он защищался /но не гаечным ключем/ сколько мог. Естественно, что при этом он не мог пересчитать удары, ни свои, ни чужие. Однако судья еще и еще раз возвращается к подсчету.

- Сколько же ударов вы получили? Около тридцати?

- Больше.

- Ударов пятьдесят?

- Да... это ближе к правде. Конечно, удары были не все сильные. Очень сильный удар был ногой грудь. От этого удара у меня болит грудь еще и сейчас...

И вот прокурор говорит в своей речи:

- Ложность показаний Нарницы доказывает его утверждение, что он получил пятьдесят ударов, из них несколько - жезлом по голове. Почему же в таком случае он остался жив. То, что он живой перед нами, доказывает ложность и всех других его показаний /!!!/

Наконец, главная низость в поведении судьи. Она не имела права осудить Петю по статье 184 часть 2 уголовного кодекса Латвии, означающей сопротивление представителям власти. Эти представители грубо и насмешливо отказались предъявить свои документы. Они считали это излишним и то, что они не предъявили обвиняемому документы, они все подтвердили в суде. Но судья сочла достаточным, что у них были жезлы и повязки. Что касается автора этих строк, то я до сих пор не знаю, чем именно должны отличаться тряпки на рукавах дружинников от любого носового платка. А в документе я прочел бы не только обозначение должности, но и фамилию... Судья вибрирует в области психологии. Она доказывает Пете, что ему не нужны были их документы: ведь он и без этого догадался, что они дружинники. Ведь вот и в суде он их называет дружинниками /!/. Да, он сейчас их называет даже по фамилиям.

Конечно, Петя мог догадаться, и наверно, догадался в самом начале нападения, что перед ним - представители государства - сексоты КГБ. Но в каком виде эти оборотни предстанут несколько позже, он не мог знать: в виде дружинников или просто - бандитов, которые уйдут, оставив его лежать избитого. Не в первый раз.

Когда меня 3 декабря 1975 года избили в психбольнице города Риги после последнего ареста за то, что я отказался отвечать на вопросы и отказался от приема лекарств, то мне угрожали после этого, что меня привлекут к ответственности за нападение на четверых мужчин - двух милиционеров, одного фельдшера и одного санитаря, избивших меня. Напал на них с целью побега из больницы /в одном нижнем белье!/.

Пете дали наказание два с половиной года лишения свободы в лагерях обычного типа по статье 184 часть 2. А истинные преступники получили только дружеские упреки. И возможно, в следующий раз они будут более тщательно готовиться к своим преступлениям, более дружно лгать на допросах и более тщательно оформлять свои документы.

1977 год /получено издательством в ноябре 1980 года/.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Михаил Александрович Нарица родился в Псковской губернии в 1909 году.

С юношеских лет у М. А. Нарицы появилась большая тяга к искусству, в частности, к скульптуре, и он поступил в художественный техникум в Ленинграде. После окончания техникума год преподавал в нем. В 1933 году женился на ленинградской студентке и переселился с нею в Архангельск. Через год они вернулись в Ленинград, где у них родился сын — Федор. В 1935 году М. А. Нарица был принят в Академию художеств в Ленинграде. В это время в стране проходила волна арестов, которая коснулась также М. А. Нарицы. Он был арестован в 1935 году и после шести месяцев одиночного заключения был приговорен к пяти годам концлагеря (ИТЛ), которые отбыл в Ухто-Печорском лагере.

В 1940 году М. А. Нарица вышел из концлагеря и, несмотря на очень плохое состояние здоровья, был сразу отправлен, как бывший заключенный, в рабочий батальон.

В 1941 году, когда М. А. Нарица с семьей проживал в колхозе под Архангельском, у него родился сын Петр.

В 1948 году власти выселили из Архангельской области всех бывших в заключении по статье 58 УК РСФСР. М. А. Нарица с семьей переселился в город Лугу. В 1949 году во время „ждановщины“ М. А. Нарица был снова арестован и пробыл год в тюрьме. После этого его отправили на поселение в Караганду, куда переехала его семья.

С 1954 года открылась возможность добиться реабилитации. М. А. Нарица не хотел подавать прошение, рассматривая это как унижение перед властью. Прошение он подал только по настоянию жены и был реабилитирован в 1957 году.

В августе 1960 года М. А. Нарица в Эрмитаже, в Ленинграде, смешавшись с толпой иностранных туристов, вложил в руки одной француженки рукопись в конверте, на котором на нескольких европейских языках была написана просьба увезти рукопись за границу. Француженка испугалась и бросила пакет на пол.

Инцидент повлек за собой то, что писатель М. А. Нарича и француженка оказались в милиции. Однако француженка — к ее чести — на допросе в милиции заявила, что пакет передал ей кто-то другой. М. А. Нарича, в свою очередь, отрицал, что он что-либо передал француженке и был отпущен.

В августе-сентябре 1960 года М. А. Нарича сделал еще несколько попыток переслать рукопись за границу и, видимо, уверился, что они увенчались успехом. После этого, в сентябре 1960 года, он направил экземпляр рукописи Хрущеву с сопроводительным письмом.

Ответа от Хрущева не последовало. Тогда М. А. Нарича и члены его семьи подали прошение в Верховный Совет СССР с просьбой освободить их от советского гражданства и разрешить выехать на Запад.

В мае 1961 года всю семью М. А. Наричы вызвали на допрос и спросили, что они имели в виду, подавая такое прошение. Они настаивали на своем желании покинуть СССР и повторили, что в Советском Союзе нет свободы для художников. Тогда им было заявлено, что прошение не может быть рассмотрено, пока к нему не приложен гербовый сбор в размере 250 новых рублей (50 рублей за каждого члена семьи М. А. Наричы). Таких средств у них не было, и вопрос с прошением остался открытым.

Что касается судьбы рукописи повести „Неспетая песня“, пересланной М. А. Наричей за границу, то она в феврале 1961 года попала через проф. К. Менерта в редакцию журнала „Грани“ и была опубликована в № 48, вышедшем в конце июля 1961 года.

Хотя редакции „Граней“ и было известно от самого автора его имя, она опубликовала повесть под псевдонимом М. Нарымов, так как не знала тогда, что М. А. Нарича выступил с открытым забралом, послав экземпляр рукописи и письмо Хрущеву.

В июле 1961 года редакция „Граней“ получила второй экземпляр рукописи „Неспетая песня“, вывезенный из СССР другим человеком.

М. А. Нарича был арестован органами КГБ 13 октября 1961 года. Его жена и сын подверглись допросу. При аресте был сделан обыск, во время которого были найдены еще два

экземпляра рукописи. Ни М. А. Нарича, ни члены его семьи в это время не знали, что рукопись уже опубликована.

В середине декабря 1961 года следственные власти сделали попытку объявить М. А. Наричу умалишенным и перевели его в тюремную психбольницу.

Сын М. А. Нарича — Петр, который до ареста отца работал в качестве натурщика в Академии художеств, был уволен скульптором, которому он позировал. Многие студенты Академии были возмущены этим, но нашелся другой художник, который дал ему работу. Арест отца так подействовал на сына, что он пытался покончить жизнь самоубийством, приняв веронал. Его доставили в больницу и, несмотря на критическое положение, спасли.

ПИСЬМО М. А. НАРИЦЫ ХРУЩЕВУ

Никита Сергеевич, в начале августа я был задержан в Эрмитаже тайными сотрудниками государственных органов... после передачи рукописи моего романа „Неспетая песня” одному из членов французской делегации, приехавшей из Парижа в автобусе. В этом экземпляре рукописи, брошенной перепуганной француженкой на пол (ее также задержали), не было моей фамилии, так как я не был уверен в успехе передачи пакета этой делегации. Это дало мне возможность временно отрицать свое авторство. (На то, чтобы так поступить, у меня были некоторые соображения.)

У меня есть теперь основания быть спокойным за судьбу своего романа. Возможно, Вы еще не читали его. Я высылаю Вам в этом конверте один экземпляр, который немного более отредактирован и не вполне совпадает с тем, который я неудачно передал...

Вам невозможно обвинять меня в клевете на советскую действительность. Она у меня несколько облагорожена, ибо „литературе слишком присуще чувство меры и приличия, чтобы она могла взять на себя задачу с точностью воспроизвести карикатуру действительности” (Салтыков-Щедрин). Да и задачей своей я поставил изобразить не столько истерзанное тело, сколько истерзанную душу: трагедию гения и торжество пошлости, ведущей к гибели все человечество. Я показал ничтожность идей, разъединяющих государства, и ничтожность

интересов, толкающих мир к последней войне: после нее уже некому будет воевать, некому будет жить. К капитализму я отношусь как к безнравственной и разлагающей системе, но то, что Вы называете социализмом — всего лишь разновидность капитализма.

Пытался ли я печатать свои произведения в нашей стране? Да, я делал такую попытку с более безобидным по содержанию произведением, и безуспешно.

Разумеется, я не думаю, что „заправила капиталистического мира” ухватятся за мой роман с большим удовольствием, но там есть хоть некоторая свобода для умственной деятельности...

У нас художникам не разрешается самостоятельно мыслить, им разрешается только пользоваться готовыми формулами казенного мышления. Отсюда у нас такое чудовищное однообразие и в журналистике и в искусстве, отсюда в искусстве истинная эмоциональность заменена притворством, отсюда ничтожность идей („мелкометье”), пустословие, поверхностное репортерство. Поэтому художники бессильны что-либо сделать кроме поверхностных и посредственных иллюстраций к истории партии.

Неужели Вы сами не видите, что в прославленном произведении прославленного писателя, в „Поднятой целине” не изображено ни одного умного человека, нет ни одной стоящей мысли, что она вся заполнена „дешевым балаганным вздором”?

Кто-то из вас говорил, что нам нужны свои щедрины и гоголи. Это пустые слова! Вы сами недавно ратовали за „лакировщиков”. Я понял Ваши слова так: не ваше, мол, дело, писатели, совать свой нос в наши ошибки и промахи; мы и сами критикуем себя, как нам это заблагорассудится.

Меня скорее можно упрекнуть в приглаживании действительности, чем в сгущении красок. Все дело в том, что я мыслю иначе, чем это разрешается государственным стандартом. Однако Вы претендуете на то, чтобы вашу страну называли подлинно свободной и даже считаете себя (свою партию) умом, совестью и честью нашей эпохи. А настоящий ум не боится контакта с другими умами. Только в атмосфере честной и открытой борьбы и открытого заимствования здоровых элементов в чужих взглядах и могут развиваться передовые идеи.

А настоящая совесть! Может ли она свободно взаимодействовать идей мешать силой оружия, шантажом или хитростью?!

И если Вы серьезно претендуете на роль носителей ума, чести и совести (а к этому Вас обязывает ваше положение и угроза всеобщей гибели), то примите мой вызов на честную, открытую борьбу в одних вопросах и честное сотрудничество — в других.

Одним из способов недостойной борьбы является клевета: зачем говорить, что мы не можем напечатать ваш роман по политическим соображениям (а где же тогда свобода!), гораздо выгоднее сказать, что роман слаб и не заслуживает внимания народа и материальных затрат на его издание. Если Вы унизите себя до того, что пойдете этим путем, то я могу избавить Вас от материальных затрат; народ же пусть сам решит, что стоит его внимания. Разрешите мне только свободно общаться с народом, не окружая меня тучей шпионов и провокаторов. Если же и это окажется Вам не по силам, то по крайней мере отпустите меня вместе со всей семьей на все четыре стороны.

Разумеется, я не считаю допустимым насильственное разлучение меня с семьей, ибо такое обращение с людьми характеризует нравы отживших „формаций”. Моя семья полностью разделяет мои взгляды, помогала мне в работе не только материально, но и принимала весьма существенное участие и в творческой работе.

Не знаю, насколько трудно Вам расстаться с нами, но мы все без всякого сожаления лишились бы всех благ социализма, хотя и не ждем рая для себя в других странах.

Дописано от руки:

Сентябрь 1960 года

Получено почтовое уведомление о том, что пакет поступил 29 сент. 1961 года в секретариат Хрущева.

СОДЕРЖАНИЕ

Десятое переселение моей семьи	5
Разумный фундамент общества	19
Мои воспитатели	38
Мой четвертый арест	65
Сначала самосуд — потом суд	85
Биографическая справка	103
Письмо М. А. Нарницы Хрущеву	105

Художественная литература

Книги художественной литературы издательство «Посев» выпускает большого формата с суперобложкой или в художественном переплете без нее. В большинстве своем это книги, которые следует всегда держать на полке, которые можно читать и перечитывать.

- Мари АЛДАНОВ** — «Повесть о смерти», м.п.*, 410 с., 22 н.м.
Александр БЕК — «Новое назначение», 234 с., 22 н.м.
Леонид БОРОДИН — «Повесть странного времени», 239 с., 26 н.м.
— «Третья правда», м.п., 182 с., 18 н.м.
— «Год чуда и печали», 195 с., 20 н.м.
Михаил БУЛГАКОВ — «Мастер и Маргарита», 500 с., 31 н.м.
Георгий ВЛАДИМИРОВ — «Верный Руслан», 176 с., 22 н.м.
— «Три Минуты Молчания», в печати, 408 с., 34 н.м.
Анатолий ГЛАДКИН — «Прогноз на завтра», 190 с., 21 н.м.
Василий ГРОССМАН — «Вся течет...», 208 с., 22 н.м.
Владимир КОРНИЛОВ — «Демобилизация», 574 с., 45 н.м.
Владимир МАКСИМОВ — Собрание сочинений в шести томах
Том I. «Сага о Савее» (Повести), 398 с.; том II. «Семь дней творения», 512 с.; том III. «Карентин», 352 с.; том IV. «Прощание из ниоткуда», 428 с.; том V. «Жизнь человек» (Пьесы), 336 с.; том VI. «Ковчег для незваных», 287 с.
«Семь дней творения» и «Ковчег для незваных» — также в отдельных книгах с худ. обложкой. Цена каждого тома 30 н.м.
Сергей МАКСИМОВ — «Денис Бушуев», 470 с., 30 н.м.
Виктор НЕКРАСОВ — «Сталинград», 452 с., 42 н.м.
Булат ОКУДЖАВА — «Проза и поэзия», 320 с., 28 н.м.
Роман РЕДЛИХ — «Предатель», 264 с., м.п., 24 н.м.
Леонид РЖЕВСКИЙ — «Два строчки времени», 192 с., 21 н.м.
— «...показавшему нам свет», 150 с., 16 н.м.
Виктор РОБСМАН — «Персидские новеллы», м.п., 152 с., 17 н.м.
— «Живые видения», м.п., 126 с., 17 н.м.
Владимир РЫБАКОВ — «Тягость». Быль, 224 с., 27 н.м.
— «Тваро», 264 с., м.п., 20 н.м.
Григорий СВИРСКИЙ — «Полярная трагедия», м.п., 304 с., 24 н.м.
Александр СОЛЖЕНИЦЫН — «Рассказы» (в окончательной редакции автора), 372 с., 26 н.м.
— «В круге первом», в двух томах Собрания сочинений, 806 с., 30 н.м.
Виктор СОСНОРА — «Летучий Голландец», 248 с., 25 н.м.
Валерий ТАРСИС — «Комбинат наслаждений», 562 с., 32 н.м.
— «Рискованная жизнь Валентине Алмазове», м.п., 403 с., 26 н.м.
— «Седая юность», 289 с., 23 н.м.
— «Сказание о синей мухе» и «Красное и черное», 172 с., 18 н.м.
— «Надалеко от Москвы», м.п., 306 с., 28 н.м.
Евгений ТЕРНОВСКИЙ — «Приемное отделение», м.п., 223 с., 17 н.м.
— «Странная история», м.п., 184 с., 20 н.м.
— «Черная книга», 128 с., 18 н.м.

* * *

* м.п. — малый переплет

Уникальное издание. Религиозный Самиздат

«НАДЕЖДА» № 6

Пресвятая Богородице, спаси нас!

Св. Отцы о Пресвятой Богородице

Отцы Церкви

Св. Игнатий Богоносец. Послания

Св. Феофан Антиохийский. Феофила к Автолику

Св. Тихон Задонский. Счастье

Православное пастырство

Ив. Крутиков. Святитель Феофан Затворник

Преосвящ. Феофан Затворник. Письма.

Прихожанин. Памяти прот. Александра Ильина

Прот. Александр Ильин. Ответы духовным детям

Игум. Арсения, настоятельница Усть-Медведицкого монастыря. Биография; из бесед и писем

Беседы схииеромандрита Оптиного скита старца

Варсонофия

Надгробная речь митрополита Трифона

Посмертное завещание старца Варсонофия

Мученики XX века

Письма неизвестного священника из ссылки

Воспитание детей

Архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий)

Русские судьбы

В поисках Святой Руси. Из писем А. Н. Руднева

к В. И. Леоновой

Стихи

Сергей Бычков. Из цикла «Цвета любимой»

М. Гуськов. После смерти и др.

Владимир Петров. Прозренье и др.

Владимир Семенов. Молитва

Проблемы христианской культуры

З. Крахмальникова. Кризис красоты. Заметки

о современной культуре

Г Р А Н И

**ЖУРНАЛ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСКУССТВА, НАУКИ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ**

Стоимость подписки на 4 номера:

в издательстве — 48 н. м.

через магазины — 60 н. м.

ПОСЕВ

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

Стоимость подписки на 12 номеров:

в издательстве — 72 н. м.

через посредников — 84 н. м.

«НАДЕЖДА»

Христианское чтение

За 3 выпуска при подписке:

непосредственно в издательстве — 60 н. м.

через представителей — 72 н. м.

СТОИМОСТЬ В РОЗНИЧНОЙ ПРОДАЖЕ:

«ГРАНИ» — 15 н. м., «ПОСЕВ» — 7 н. м.

«НАДЕЖДА» — 24 н. м.

Подписную плату следует посылать:
почтовым переводом или чеком (в письме) по адресу

POSSEV-VERLAG

D-6230 Frankfurt/Main 80, Flurscheideweg 15

или же банковским переводом на

Konto 2 412 755, Dresdner Bank, Frankfurt/Main

или на почтовый счет

Postscheckkonto 334 61-608, Frankfurt/Main.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПОСЕВ“

Издает: книги на русском языке, общественно-политический журнал «ПОСЕВ» (12 выпусков в год) и литературно-публицистический журнал «ГРАНИ» (4 раза в год).

При издательстве — книжный склад.

POSSEV-VERLAG · POSSEV-REDAKTION
D-6230 Frankfurt a. M. 80, Flurscheideweg 15
Tel. Verlag: (0611) 34 12 65 · Tel. Redaktion: (0611) 34 18 19
Postcheckkonto 33461-608, Ffm.
Dresdner Bank AG Frankfurt a. M., Kto. 2412 755 00

ТОРГОВЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ИЗДАТЕЛЬСТВА „ПОСЕВ“

АВСТРАЛИЯ. S. Sesin, Unification Bookstore, 43 Croydon Rd., Surrey Hills, Vic. 3127.

АВСТРИЯ. L. Rudkevitch, Wien 1030, Rasumovskygasse 9-11/23 Tel: 735109

АНГЛИЯ. B. Miller, 83 Baring Road, London SE120JS

БЕЛЬГИЯ. B. P. 1094, 1000-Bruxelles-Brussel 1.

БРАЗИЛИЯ. I. Alexandrow, Av. Lavandisca 648, Indiapopolis, Sao Paulo.

ВЕНЕСУЭЛА. DYTA, Apartado del Correo 51.241 z. p. 105, Caracas.

ГОЛЛАНДИЯ. Postbus 325, Rotterdam.

ДАНИЯ. D. Schewitch, Admiralagade 22/II, DK - 1066 Kopenhagen K, Tel: 153732.

ИЗРАИЛЬ. M. Nudelmann, Russian Books, Merkas Hanegev, Beer-Sheva.

ИТАЛИЯ. A. Konovets, Cassella Postale 429, Roma-Centro.

НОРВЕГИЯ. Jan Evliand, Klemetsrud, Oslo. Tel: 284826.

США. V. Molchanov, P. O. Box 582, Flushing NY 11352
Tel: 212-445-3006.

M. Iwanow, P. O. Box 1844, San Francisco, CA 94101
S. Golubov, P. O. Box 139, R. D. 4, Jackson, N. J. 08527,
Tel: 201-928-2125.

„Possev“ Representative, P. O. Box 695, Pacific Palisades, CA 90272.

ФРАНЦИЯ. „Possev“, 125 bis, rue Blomet, 75015, Paris,
Tel: 250-62-06.

ШВЕЙЦАРИЯ. Leo Grossen, Postfach, Locarno.

ШВЕЦИЯ. Tidskriften „Possev“, Box 4059, 15104 Södertälje.

ЯПОНИЯ. Mr Terumasa Takahashi, Saruwatari Usa-shi, Oita-ken.

Выпуски с 1 по 8: «Хроника текущих событий» №№ 21-27. — Меморандум Демократического Движения. — Статьи В. Чалидзе и Л. Краснопевцева. — Суд над В. Буковским. — «Сеятель» № 1 и 2. — Религиозные документы. «Свободная мысль» № 1. — Листовки Гражданского комитета. — Р. Пименов. Один политический процесс.

Выпуск 9-10: «Вече» № 5 и статья Ф. Карелина.

Выпуск 11: Документы по делу Леонида Плюща.

Выпуск 12: М. Я. Макаренко. Из моей жизни.

Выпуск 13: Свидетель по собствен. делу и др. документы.

Выпуск 14-15: Мое последнее слово. Речи подсудимых на судебных процессах 1966-1974.

Выпуск 16: «Ре Патриа» № 1.

Выпуск 17-18: Из журнала «Вече» №№ 7, 8, 9, 10.

Выпуск 19: Попытки заключенных в тюрьмах Грузии.

Выпуск 20: Из журнала «Земля» №№ 1 и 2.

Выпуск 21: Из-за колочей проволоки.

Выпуск 22: ВСХСОН. Материалы суда и программа.

Выпуск 23: Хроника архипелага ГУЛАГ.

Выпуск 24: Сопротивление религиозным преследованиям.

Выпуск 25-26: Группа Содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР.

Выпуск 27: «Как вести себя на обыске» и другие документы.

Выпуск 28: Христианский комитет защиты прав верующих в СССР. Документы.

Выпуск 29: Июньские новости. Марк Поповский.

Выпуск 30: Свободный профсоюз трудящихся. Устав и другие документы.

Выпуск 31-32: Рабочая комиссия по расследованию использования психиатрии в политических целях. Информационные бюллетени.

Выпуск 33: Свящ. Д. Дудко. «Враг внутри». «В свете преобразования».

Выпуск 34: СМОТ. Информационные бюллетени.

Выпуск 35-36: Свящ. Г. Якунин. О современном положении Русской Православной Церкви.

Выпуск 37: Ю. Белов. Размышления не только о Сычевке.

Выпуск 38: «Женщина и Россия».

Выпуск 39: Христианский семинар.

Выпуск 40: И. Русланов. Жизнь и афоризмы Кузьмы Пруткова (внука).

Выпуск 41-42: Инициативная группа защиты прав инвалидов в СССР.

Выпуск 43: М. А. Нарича. После реабилитации.